

попаданец

роман

Алексей Шумилов

ДЕНЬГИ ПАХНУТ КРОВЬЮ

Попаданец (АСТ)

Алексей Шумилов

Деньги пахнут кровью

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Шумилов А.

Деньги пахнут кровью / А. Шумилов — «Издательство АСТ»,
2023 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-156867-2

Жизнь успешного бизнесмена полна неожиданностей и непредсказуемых поворотов судьбы. Александру Логинову пришлось убедиться в этом на собственном опыте. Сегодня ты – долларовый миллионер, жена – красавица, есть маленький сын, большая корпорация под управлением. Но завтра тебя решают уничтожить, а бизнес отобрать. Любимая супруга с сыном погибают в подстроенной аварии, бандиты выбрасывают тебя с балкона. Но высшие силы дают Александру шанс на новую жизнь. Он оказывается в прошлом, в теле молодого уголовника, подрезанного дружком в пьяной драке. За окном – весна 86-го года. Начало перестройки, впереди – кооперативное движение, распад СССР, гремящие девяностые, бандитские разборки и региональные войны. Александру предстоит жить в убогой коммуналке с отчимом-алкашом, измученной и запуганной матерью и вести жизнь мелкого уголовника. Но может ли смириться с этим тот, кто в прошлой жизни зарабатывал миллионы долларов и твердой рукой управлял огромным предприятием? Особенно зная, как будут развиваться события в стране и что делать, чтобы стать не просто миллиардером, а серым кардиналом, способным дергать политиков за ниточки и менять жизнь страны к лучшему.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156867-2

© Шумилов А., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Шумилов

Деньги пахнут кровью

© Алексей Шумилов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Чёрная мгла ночи мягким покрывалом укутывала прозрачную сферическую крышу ресторана, переходящую в панорамное окно. Полная луна мертвенно-белым диском нависла над головой. Тусклый свет звёзд еле пробивался сквозь бездонную тьму неба. За стеклом сияли огни мегаполиса, отражаясь пляшущими бликами рекламы на стекле.

За столом, подсвеченным тёплым жёлтым светом длинной тонкой лампы, сидели двое.

– Извини, Саша, я не могу тебе помочь. – Стройный брюнет в тёмно-синем шерстяном костюме Ermenegildo Zegna выпрямился. Столовые приборы звякнули о фарфор, подпирая истерзанный бифштекс, разбросанный рваными лохмотьями по тарелке.

– Почему, Миша? – Седой полноватый мужчина требовательно наклонился к собеседнику. Светло-серый пиджак Kiton натянулся, облекая медвежью фигуру.

Брюнет вытянул руку, оттягивая белоснежный манжет рубашки, и с намеком посмотрел на часы. Синий циферблат платиновых Patek Philippe Grand Complications сиял россыпью золотистых звёздочек.

– Двадцать один пятьдесят, – констатировал Михаил и решительно встал. – Извини, Саш, нет времени. Мне надо идти.

– Скурвился ты, Миша. Зажрался, – горько сказал седой. – Часы за триста косарей евро нацепил, пиджак десяток тыщонок стоит. Продай ты меня. Разменяй на баксы сраные.

– Ты тоже не на помойке одеваешься, – усмехнулся черноволосый. – Ладно, уделю тебе ещё минут десять ради нашей дружбы.

Он мягко опустил на стул.

– У тебя нет шансов, Саня, – проникновенно сказал брюнет. – Слишком большой кусок ты себе оторвал. Против тебя играют губернатор, братва, погоны и даже, – назидательно вытянутый палец брюнета взлетел вверх, – люди на самом высоком уровне. Ты до сих пор думаешь, что это твоя фирма? Ошибаешься, она уже тебе не принадлежит. Всё уже заранее обговорено и поделено. Ты даже не таракан, а ничтожная песчинка на пути у бульдозера. Извини, но я ничем помочь не могу. Отдай им «Альянс А» по-хорошему. Пожалей себя и своих близких. Денег у тебя всё равно останется достаточно.

– Пожалеть себя и своих близких? – Седой засопел, стараясь удержать нарастающее бешенство. – Ах ты сука!

Мощные руки вцепились в лацканы пиджака и вздернули Михаила вверх, заставив встать на цыпочки.

– Дурак, ты чего, люди смотрят! – забормотал перетрусивший брюнет. – Отпусти.

К ним уже бежал взволнованный метрдотель в белом смокинге.

– Господа, прошу вас, успокойтесь, у нас приличное заведение, перестаньте, – зачастил он, остановившись рядом с мужчинами.

– Хорошо, – выдохнул седой.

Медвежьи лапы разжались, и брюнет с недовольным видом принялся отряхивать пиджак.

– Компанию никому не отдам, – сквозь зубы прошипел Александр, – и не мечтайте. Я её с нуля создавал не для того, чтобы воров и уголовникам подарить. А если с моими что-то случится, я вас всех из-под земли достану. Понял?

– Понял, – вздохнул Михаил. – Ты сказал своё слово. Не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Брюнет резко развернулся. Каблуки туфель Amedeo Testoni цвета морской волны из кожи аллигатора гулко застучали по керамограниту.

– Понтовик хренов, – ухмыльнулся седой, провожая взглядом удаляющегося Михаила.

Брюнет вышел в холл, дождался сверкающего хромом лифта и доехал до первого этажа. Энергично пересёк холл и вышел на улицу. Стеклопакеты бизнесцентра бесшумно закрылись за ним. Брюнет глубоко вдохнул воздух, наслаждаясь вечерней прохладой, и вытащил из чёрного кожаного футляра на поясе Vertu Constellation V.

Михаил вздохнул, нажал кнопку с цифрой «3», увидел, что абонент взял трубку, и поднёс телефон к уху.

– Привет. Он безнадёжен. Я пытался поговорить, что-то объяснить, бесполезно, – печально констатировал брюнет. – Действуй, как считаешь нужным. Я умываю руки.

* * *

Серый Range Rover бесшумно вкатился на территорию СТО. Полный мужчина в синем комбинезоне, заляпанном жирными чёрными пятнами, вышел навстречу гостям, вытирая руки тряпкой. Водитель, крепкий парень в тёмно-синем костюме, обежал машину спереди, предупредительно открыл дверь и галантно подал руку, помогая выйти яркой блондинке лет тридцати пяти.

– Спасибо, Паша, – царственно сказала она, вкладывая ладошку в огромную пятерню. На запястье у дамочки ослепительно сверкал тонкий платиновый браслет-змея. Красное приталенное платье от Армани плотно облегло эффектную фигуру, лаковые бордовые туфли-лодочки подчеркивали узкие изящные лодыжки. И завершала ансамбль небольшая фетровая шляпка с прозрачными полями.

Второй, лысый широкоплечий мужчина в таком же костюме, как и водитель, не торопясь вылез из машины и стал позади женщины, поглядывая по сторонам. В автомобиле остался только ребёнок лет семи, прижавший любопытную мордочку к стеклу.

– Здравствуйте, Сергей, – обратилась блондинка к мужчине в комбинезоне. – Машина готова?

– Конечно, Мария Александровна, – улыбнулся толстяк. – Всё сделали в лучшем виде. Радиатор прочистили, свечи, масло и задние амортизаторы поменяли, следы битума на заднем крыле убрали.

– Отлично, – надменно сказала женщина. – Я вам что-то должна?

– Я отправил счет «на мыло» бухгалтерии вашей компании, как всегда, – угодливо улыбнулся толстяк, – мне уже перезвонили и сказали, что в течение дня переведут деньги.

– Отлично, выгоните машину сюда, не хочу идти в ваш бокс, там слишком грязно.

– Ун момент, – толстяк повернулся к ангару. – Серёга, Серёга, твою же мать!

– Чего? – Из помещения высунулся парень в серой спецовке.

– Робу сними и бежевый «лексус» сюда подгони. Ключи у меня в верхнем ящике стола.

– Сейчас! – Паренёк исчез.

Через минуту Lexus LS цвета кофе с молоком аккуратно выехал из бокса, остановившись недалеко от женщины. Паренёк шустро выскочил из автомобиля и протянул брелок с сигнализацией и ключами хозяйке.

– Спасибо, – величественно поблагодарила Мария Александровна, забирая ключи. Она повернулась к джипу и махнула рукой. Открылась дверца, и на землю выпрыгнул мальчик лет семи.

– Витя, садись в нашу машину, – приказала женщина.

– Ага, мам, – кивнул ребёнок, открыл дверь и забрался на середину заднего сиденья.

– Благодарю вас, ребята, можете быть свободны, – обратилась женщина к своим спутникам.

– Александр Николаевич сказал, чтобы мы вас сопровождали, – набычился лысый. Водитель согласно кивнул.

– Я к родителям в Антоновку еду на пару дней. Там коттеджный городок с вооружённой охраной. И у предков на воротах сидит такой же амбал с помповым ружьем. Чего бояться? В доме лишних мест нет. Но если решите остаться, то выделю вам уголок в сарае. Погода летняя, спать почти на природе будете, старые матрасы выделю. Хотите? – иронично спросила женщина.

– Мы вас все равно до дома доведем, – хмуро буркнул широкоплечий. – Шеф сказал сопровождать, значит, надо сопровождать. А будете уезжать, обязательно позвоните. Приедем, заберём.

– Хорошо, – горестно вздохнула Мария Александровна, театрально закатив глаза, – поехали.

Женщина села в машину. Автомобиль затрясся и тронулся, медленно выезжая за ворота СТО. За ним покатила Range Rover с двумя охранниками.

Когда машины покинули двор, выражение лица толстяка изменилось. Приветливая улыбка сменилась торжествующим злобным оскалом.

– Вот ты и довыдывалась, стерва. До встречи в аду.

* * *

Чёрная обугленная машина догорала, испуская в воздух чадающий дым. Умирающие языки пламени бессильно дёргались в последней попытке обрести новую жизнь.

Вокруг смятого в лепёшку «лексуса», сброшенного с дороги, сутились пожарные, заливая остатки огня хлопьями пены. Рядом на обочине стояла машина с резервуаром, от которой змеился брезентовый рукав.

Седой полный мужчина, похожий на медведя, стоял и смотрел на догорающую машину. Ссутулившийся человек с постаревшим осунувшимся лицом, перекошенным страдальческой гримасой, ничем не напоминал ещё недавно уверенного в себе холёного бизнесмена.

– Александр Николаевич, пойдёте, ваших уже в морг увезли. Вам надо успокоиться, поспать... – Осторожно тронул седого за плечо здоровенный лысый бугай под два метра ростом.

Седой резко развернулся к здоровяку. Покрасневшие глаза с полопавшимися капиллярами уставились на телохранителя.

– Поспать? – зашипел он. Одинокая слеза медленно выкатилась из уголка глаза и, оставляя прозрачную дорожку, поползла по щеке. Здоровенная лапа схватила амбала за шею.

– Маши с сыном больше нет! – прерывающимся голосом прохрипел седой. – Понимаешь, их больше нет! Нет, чёрт подери! Витька, ему же восемь всего было. Жить бы и жить...

Телохранитель, потупившись, молчал.

Александр Николаевич стиснул зубы, заглушая рыдание. Кадык дёрнулся, проглатывая подступивший ком. Коммерсант отпустил начальника охраны, трясущейся рукой схватился за ворот и с силой рванул его. Треск рвущейся ткани и отлетевшая в сторону пуговица заставили бритоголового стыдливо опустить глаза в землю.

– Где эти уроды, которые с ними были? Зови их сюда, быстро, – приказал бизнесмен через минуту, справившись с чувствами.

– Секунду, шеф, – кивнул лысый.

Здоровяк развернулся и шустро потопал к серому Range Rover, стоящему рядом с BMW 7-SERIES, сверкающему полированными угольно-чёрными боками. Добравшись до джипа, бритоголовый постучал по стеклу водителя, и когда оно поехало вниз, произнес:

– Быстро из машины. Шеф зовет.

Дверцы джипа распахнулись. На асфальт выбрались два сконфуженных парня. Нехотя, еле передвигая ноги, они приблизились к седому.

– Как это произошло? – глухо спросил Александр Николаевич, повернувшись к залитому пеной обгоревшему остову машины.

– Не знаю шеф, – виновато пробасил телохранитель. – Мария Александровна «лексус» забрала из СТО, мы выехали, и вот. На полдороге попробовала перестроиться, обогнать фуру, не справилась с управлением, слетела с трассы, ударилась о дерево и взорвалась.

– Похоже, что-то с машиной неладно было. Она хорошо водит, – добавил второй.

– А вы где были? – Бизнесмен злобно посмотрел на охранников.

– Мы за ней ехали, – буркнул широкоплечий Паша. – В свою машину она нам садиться не разрешает. То есть не разрешала, – поправился охранник. – Говорила, что мы её раздражаем.

– Из СТО, говорите, машину забрала? – задумчиво пробормотал коммерсант и резко развернулся.

– Убью п...дора! – Хищный оскал на лице Александра Николаевича напугал бойцов, заставив их невольно отшатнуться.

– Поехали!

Через полчаса Range Rover и BMW заезжали в знакомые ворота. Работяги с любопытством выглядывали из бокса, рассматривая новых гостей. Не обращая на них внимания, Александр Николаевич с охраной отправился в отдельное помещение с небольшим ресепшеном.

– Здравствуйте, Александр Николаевич, – поднялась с кресла симпатичная брюнетка. – Чай? Кофе?

– К чёрту! – прохрипел седой, уставившись на испуганную девушку красными слезящимися глазами. – Где твой хозяин?

– Па... Павел Аркадьевич, – начала заикаться брюнетка, не в силах выдержать бешеный взгляд гостя, – час назад уехал отсюда прямо в аэропорт. Он билеты себе два дня назад купил на Мальдивы.

– Когда вернётся? – Александр Николаевич впился злым взглядом в перепуганного офис-менеджера.

– Дне... Дней через де... десять обе... обещал, – проблеяла девчонка.

– Шеф, а может, перебить здесь всё к чертям собачьим? – спросил лысый. – А этих козлов отмудохаем как следует? Они, суки, напортачили, зуб даю.

Седой стиснул челюсти. Минуту помолчал, а потом с усилием разлепил губы:

– Не надо. Рабочие могут быть не виноваты. Покалечим невинных, чем мы тогда от этих тварей будем отличаться?

– Моё дело предложить, – чуть обиженным тоном сказал лысый.

– Поехали, – скомандовал седой, резко развернулся и пошёл к машинам. Лысый и двое парней потянулись за ним. Офис-менеджера трясло. Девушка дрожащими руками схватилась за двухлитровую бутылку минеральной воды. Налила воду в стакан и, расплескивая жидкость, поднесла к губам. Рука дергалась, заставляя зубы выбивать барабанную дробь о стекло.

А машины тем временем выехали за ворота, исчезнув за поворотом.

* * *

Александр Николаевич проснулся от мелодии, пробивающейся сквозь окутанное пьяным дурманом сознание. Он лежал на огромной кровати в рубашке и штанах, обняв подушку. Мужчина поводил руками по постели, пытаясь нащупать мобильный телефон, но ничего не нашел. А Apple iPhone 12 Pro Max продолжал надрываться назойливой трелью. Голова никак не хотела подниматься. Наконец седой с усилием оторвал её от подушки, окинув мутным взглядом спальню. Айфон лежал на тумбочке, поблескивая небесно-голубым стальным корпусом.

Мужчина тупо смотрел на него несколько секунд.

«А, я его экраном вниз положил», – дошло до Александра. Он потянулся к телефону, ухватил кончиками пальцев прохладную поверхность и подтянул к себе.

На экране отображался незнакомый номер.

Седой обреченно вздохнул, перевернулся на спину, нажал виртуальную кнопку и поднес айфон к уху.

– Да, слушаю вас.

– Чего ты, лошок педальный, за фирму свою цепляешься? – осведомился вкрадчивый голос.

– Кто говорит? Представься. Или ты, ссыкло, предпочитаешь оставаться анонимным? – Сон у бизнесмена прошёл моментально.

Невидимый собеседник насмешливо хмыкнул.

– Тебе, лошара, моё погоняло ничего не скажет. У тебя уже жена и ребёнок погибли. Мало? Может с сестрой и родителями тоже несчастный случай произойти.

– Сволочь! – заорал коммерсант, привстав. – Я тебя всё равно найду. И с твоими боссами разберусь. На куски вас, сук, зубами буду рвать! Понял?!

– Не прыгай, фраер! Следи за метлой, а то Квазимоду из тебя сделаем! – В голосе появились угрожающие нотки. – На себя наплевать, о близких подумай! Церберы твои ничем не помогут. Если понадобится, и их положим. Думай, у тебя есть сутки.

В трубке зазвучали гудки.

– Суки, – горько сказал седой, отбросив телефон на постель. – Суки! Суки! – уже заорал он, с ненавистью избивая подушку кулаками.

А потом обессилено упал лицом в постель.

* * *

Коротко стриженный холеный блондин в голубых джинсах, белой футболке и лёгких мокалинах Billionaire недовольно нахмурился. Палец дёргался на кнопке звонка, но открывать дверь никто не спешил.

Наконец замок щёлкнул, и дверь бесшумно отворилась.

– Чего трезвонишь не переставая? – недовольно пробурчал седой, дыхнув перегаром на гостя. Блондин поморщился и чуть отстранился. Но тут же приветливо улыбнулся.

– Так вы, Александр Николаевич, уже минут пять не открываете. Я, кстати, не пустой пришел.

Блондин потряс пакетом, в котором угадывались очертания бутылок. Посуда отозвалась протестующим звоном.

– Заходи. – Хозяин посторонился, давая гостю пройти.

Блондин протиснулся мимо седого.

– Ну и порядки у вас тут, Александр Николаевич. Охранники в подъезде злые как собаки, документы требовали, в кулёк заглядывали, с какими-то списками сверялись, чуть не обшмонали. Один со мной поехал в лифте, сказал, что доступ на этаж пентхауса только по особому магнитному ключу, и он меня отвезёт. И пока к вам ехали, смотрел как на врага народа. Не понимаю, почему вы в свой загородный дом не вернулись? Там всё проще было. Меня знали, пропускали без лишнего слова, – тараторил блондин, снимая мокасины и облачаясь в тапки, заботливо поданные хозяином.

– Не хочу, – криво усмехнулся седой. – Там мне каждый уголок о Маше и Вите напоминает. Не могу я там быть. Выть хочется и биться головой о стенку. Продавать дом, наверное, буду.

– Понимаю, – сочувственно вздохнул блондин. – Ужасная трагедия. Просто слов нет. Жалко Марию Александровну и Витю. Им бы ещё жить и жить.

– Чего пришёл? – грубо перебил Александр Николаевич.

– Может, пройдем в гостиную или на кухне присядем? – предложил гость. – Так удобнее разговаривать.

– Проходи в зал. – Хозяин вскинул руку, показывая направление.

Блондин зашёл, с любопытством осматривая помещение. Панорамное окно опускалось до пола, заливая комнату солнечным светом. Раздвижная дверца позволяла выйти на широкую полукруглую веранду. В углу зала закручивалась спиралью уходящая вверх стеклянная лестница со стальными перилами. На другой стороне маленький мягкий диванчик, накрытый пледом, примостился к большому электрическому камину с чёрной металлической рамкой.

– А чего обычный не поставили? – поинтересовался гость, разглядывая бушующее за перегородкой «пламя».

– Возиться не хотел, – криво улыбнулся Александр Николаевич, – мне чем проще, тем удобнее. Так чего ты приехал, Игорь?

– Присядем? – предложил блондин, указывая на огромный угловой диван и пару больших кресел посередине зала.

– Давай, – согласился хозяин.

Гость неторопливо опустился на пышную диванную подушку, раскрыл кулёк и достал пузатую бутылку «Хеннеси» и квадратную «Джонни Уокера».

– Вот, чтобы не на сухую разговаривать.

– Я это пить не буду, у меня своего хватает, – горько усмехнулся седой, показав взглядом на раскрытый бар-глобус с горлышками бутылок. – Давай ближе к делу. Хотя подожди немного.

Он встал и, чуть пошатываясь, вышел из зала. Через минуту вернулся с двумя помытыми прозрачными стаканами, щипцами и ледяными кубиками, сложенными в стеклянную пиалу. Седой поставил их на низенький стеклянный столик, пристроившийся к дивану. Затем прошёл к глобусу, несколько секунд стоял, выбирая, цапнул зелёную бутылку с черной этикеткой и вернулся. Бутылка устроилась рядом со стаканами, а Александр Николаевич, нащупав на диване пульт ДУ, щелкнул кнопкой. Огромный плоский экран «Сони» напротив, транслирующий яркие картинки музыкального шоу, резко потух.

– Вот теперь можешь говорить, – повернулся к блондину седой, – я тебя внимательно слушаю.

– «Пропер Твелв»? Тот самый, от Конора Макгрегора? – кивнул на бутылку гость, собираясь с духом.

– Да, – коротко ответил хозяин, – ты от темы не отклоняйся. Чего хотел?

– Александр Николаевич, я не понимаю, что происходит, – выпалил блондин. – К нам сегодня утром приехал юрист с какими-то подозрительными типами, говорят, что «Альянс А» теперь вам не принадлежит. Проверяют документы, начальника отдела кадров попросили подготовить личные дела сотрудников и список на увольнение. Ваш кабинет занял сын губернатора Вадик Попов. Ещё молоко на губах не обсохло, а требует себя величать Вадимом Андреевичем и совещания проводит по четыре часа. Хрень какую-то несёт, наркоман обдолбанный. Вся область знает, что он на коксе сидит.

– Так, Игорь, тормози, – остановил блондина седой, – корпорацию я действительно продал. Так сложились обстоятельства. Теперь владелец – Дима со специалистами управляющей компании. Какие-то проценты Гере Астраханскому принадлежат. Так что на днях ещё и братва должна в офис подъехать.

– Пропала компания, – вздохнул Игорь, – после этих останутся от неё рожки да ножки. А вы в неё столько времени и сил вложили. Жили в офисе, чтобы она заработала.

– Не трави душу, – пробурчал Александр Николаевич.

Он нагнулся, ухватил ладонью горлышко бутылки, плеснул каштаново-золотистый напиток в стаканы. Забросил щипцами кубики льда.

– Давай выпьем за моих, Царствие им Небесное. – В красных глазах седого блеснула влага.

– Давайте.

Седой залпом опрокинул стакан, скривился, зажмурил глаза, ощущая жидкое пламя, разлившееся по пищеводу. Потом облегчённо с шумом выдохнул. Игорь чуть пригубил, задумчиво катая гранёное стекло в руках.

– Ещё по одной? – спросил Александр Николаевич.

– Да я пока и это не допил, – вежливо отказался блондин.

– А я выпью. – Язык у седого заплетался, поэтому вышло «выпию».

Он попробовал встать, но тело качнуло назад. Пришлось опираться на спинку дивана, чтобы не упасть.

После второй порции виски седого окончательно развезло.

– Ты думаешь, они выиграли? – спросил он. – Нагнули Логинова, забрали у него «Альянс А»? Всё предусмотрели?

Игорь благо разумно промолчал.

– А вот это видел? – Перед носом замаячила увесистая дуля. – Фиг вам всем. Не все так просто. Сейчас отправлю родителей и сестру в Германию и устрою всем уродам Армагеддон. И компанию верну. Есть один нюанс, о котором эти черти не знают.

– Да, ладно вам. – Игорь разлил виски по стаканам. – Выпейте и успокойтесь. Всё хорошо будет.

– Давай. – Рука Александра Николаевича пьяно качнулась, расплескивая виски на стол. – Будем!

Через десять минут седой уже спал, раскинувшись на диване. Блондин пару раз дернул его за плечо, убедился, что мужчина не реагирует, воровато зыркнул глазами и полез по карманам.

Наконец он нашёл то, что искал – чёрный брелок магнитного ключа от лифта. Затем блондин вышел в коридор, надел мокасины и вышел к лифту, аккуратно прикрыв за собой дверь. Вызванная кабина приехала через пару минут. Игорь зашел в лифт, приставил магнитный кругляш к заморгавшей красным кнопке и спустился на два этажа ниже. В коридоре он пробежался взглядом по квартирам. Увидел знакомый номер «56», шагнул вперёд и нажал звонок. Дверь ему открыл крепкий парень с холодными глазами отморозка. За его плечами виднелся коренастый, похожий на передвижной шкаф, напарник.

Блондин быстро обменялся с парнем ключами.

– Он спит бухой. Так, как вы и хотели. Дверь открыта. Делайте, что задумали.

– Молодец, фраерок, отработал свои тридцать сребреников, – осклабилась парень и ласково похлопал Игоря по щеке. Блондин скривился. Шкафообразный радостно загыгикал.

«Дебилы, млять», – раздражённо подумал коммерческий директор «Альянса-А».

– Я сейчас уйду, а вы приступайте минут через пять после моего ухода.

– Не бойсь, все будет как в лучших домах Лондона и Парижа, – покровительственно хлопнул по плечу бандит. – Давай шагай, фраер.

Через пять минут, когда Игорь уже вышел из подъезда и сажился в машину, тело седого с криком впечаталось в асфальт, брызнув кровавыми каплями и расплзшись бесформенной массой по асфальту. У трупа начали собираться люди. Блондин растолкал толпу, пробился к телу, посмотрел на растекающуюся лужу крови. Громко ругнулся, обратив на себя внимание, и вытащил смартфон.

– Алло, Андрей Валентинович? Я недавно от шефа вышел. Да-да, от Логинова. Он в таком подавленном настроении был, фирму продал, пил беспробудно. Но я не об этом хотел сказать. Распрощался с ним, уже в машину сажился, так он мне прямо под ноги с балкона

бросился. Конечно, насмерть. Пришлите дежурный наряд и оперов. Обязательно дождусь. Нет проблем. Да, прослежу, чтобы ничего не трогали. Спасибо, жду.

Глава 1

Когда дверь открылась, я проснулся. Моё сознание внезапно вынырнуло из чёрной бездны алкогольного дурмана, заставив открыть глаза. Я услышал шаги в коридоре и осознал: это конец.

Не было страха, заставляющего тело обливаться холодным потом. Только невыносимая тоска рвала душу, заставляя сердце выбивать барабанную дробь в груди. Мне было плевать на себя. После гибели сына и жены что-то внутри надломилось. И стержень, созданный из веры в будущее, оптимизма и внутренней правоты, позволивший мне пройти и выжить в бурные девяностые, пережить предательство компаньона, бандитские наезды, дефолт 98-го, атаки конкурентов, раскрошился, как кусок пенопласта. Я больше не хотел жить. Меня удерживали на этом свете две вещи: право на месть и чувство ответственности за родителей и сестру. И сейчас я осознавал, что, заливая своё горе спиртным, банально проиграл свою жизнь, оставил Машу и сына неотомщёнными, а близких – без поддержки.

Твари, убившие жену и ребёнка, и дальше будут жить, делая свои чёрные дела, и поломают ещё десятки судеб. И в этом есть и моя вина. Злость придала мне сил. Я привстал с дивана.

– Опа, – радостно констатировал крепко сбитый паренёк с глазами убийцы, вошедший в комнату. – Ты смотри, проснулся.

Его товарищ сзади, широкоплечий амбал с мордой дебила, радостно оскалился.

– Что, суки, думаете, всё? – хрипло пробормотал я, поднимаясь.

Непослушное тело, одурманенное спиртным, качнуло в сторону. Пришлось хвататься за спинку дивана, чтобы удержаться на ногах. Когда-то я серьёзно занимался боксом, даже дошел до кандидата в мастера спорта. И сейчас я постарался дать отморозкам последний бой. Но удар получился вялым и медленным, а меня повело в сторону. Крепкий парень легко уклонился, поднырнул за руку, подхватил меня за пояс и резко рванул на себя, заставляя потерять равновесие. Второй громила рывком подхватил за ноги, зафиксировав стопы локтевыми сгибами у себя подмышками.

Я брыкался, пытался махать руками, а убийцы уже вытащили мою тушку на веранду. Парень с холодными глазами умудрился вклепить кулаком по затылку, отправив меня в нокдаун. Тело ещё вяло трепыхалось, пытаясь сопротивляться, но меня уже сбрасывали с балконной перегородки. Резкий толчок, и я полетел навстречу стремительно приближающемуся серому асфальту.

«Как же так, Господи! Неужели ты позволишь подонкам остаться безнаказанными?!» – в отчаянии возопила душа, посылая в небо последний отчаянный призыв, наполненный щемящей болью и невыносимой печалью.

Удар о поверхность выбил из меня дух, взорвавшись в голове яркой, ошеломительной вспышкой. Каждой клеточкой затухающего сознания я чувствовал, как превратившиеся в кашу внутренности растекаются по асфальту вместе с расплывающейся тёмно-красной лужицей крови. Невыносимая вначале боль уменьшалась с каждым мгновением, приближая ожидаемое забвение.

«Родные мои, я иду к вам», – мелькнула последняя мысль, перед тем как тьма окончательно накрыла меня.

Затем чернильная мгла сменилась светом. Я начал слышать звуки: причитания, возбужденные крики находящихся рядом людей. Потом включилось зрение.

Я ощутил необычайную легкость. Ничего не болело, свежий воздух благоухал ароматами цветов, любовно высаженных на клумбе возле моего дома. Грудь распирало ощущение неги и спокойной благодати. Я знал и чувствовал, что всё будет хорошо. Ещё немного, и я смогу встретиться с сыном и женой, которые ждут меня там, наверху. Поднял руку и увидел сквозь

прозрачную ладонь чёрную «бэxu» Игоря. Предатель так и застыл возле машины, смотря куда-то позади меня. Направление его взгляда заставило меня оглянуться. Моё бедное тело поломанной куклой по-прежнему лежало в луже расплывшейся крови. Вокруг него уже начали суетиться люди. Блондин быстрым шагом пошел к нему.

– Сволочь, – выдохнул я. Моя ладонь метнулась к его лицу, пытаясь залепить хлесткую пощечину, но ничего не произошло, она лишь погрузилась в кожу. А Игорь невозмутимо прошёл сквозь меня, изрыгающего проклятия. Он ничего не почувствовал.

Сверху ударил ослепительно белый луч, разрезая пространство. Все люди, стоявшие у моего тела, Игорь, что-то начавший говорить по телефону, куда-то пропали. Их очертания сделались нечёткими, размытыми, а потом и вовсе исчезли за серой мутной пеленой, отделившей меня от живого мира. Луч у моих ног превратился в сияющий тоннель с ведущей наверх лестницей, теряющейся в лазурной синеве необъятного неба.

Я неуверенно сделал шаг, и ступенька под моей ногой вспыхнула ещё ярче, указывая дорогу. С каждым шагом мне ставилось всё легче. Все чувства: отчаяние, горечь потерь, ненависть к убийцам, раздражавшие душу на кровавые лоскуты, – постепенно уходили. Они теряли яркость, таяли, как тёмная дымка ночи перед рассветом наступающего дня. Чем выше я поднимался, тем радостнее и спокойнее становился. В конце лестницы находилась белая дверь. Она медленно открылась, приглашая меня пройти внутрь. Я решительно шагнул вперёд.

– Здравствуй, Саша. – Длинноволосый, увенчанный благородной серебряной сединой мужчина лет шестидесяти в белоснежном длинном одеянии с интересом смотрел на меня. Аккуратная борода придавала ему сходство с испанским аристократом эпохи Возрождения.

– Здравствуйте...

Во рту внезапно пересохло. Сердце яростно застучало, вырываясь из груди. Наверно, это были иллюзии, тень ощущений погибшего тела. Бестелесная оболочка, в которую перетекло моё сознание с момента смерти, не нуждалась в воде и тем более не могла чувствовать сердечный ритм.

– Господи? – неуверенно произнес я.

– Можешь называть меня так, – улыбнулся мужчина. – Это неважно. Но лучше обращайся ко мне Мастер. Хотя я не то, что вы все думаете. И сейчас в этом образе, потому что так для тебя будет удобнее. Высшие силы, правящие в этом мире и других, они... Впрочем, если я начну рассказывать, наш разговор надолго затянется. Да и люди ещё не готовы к таким знаниям. Вижу, ты что-то хотел спросить?

– Мой путь подошел к концу? – собравшись с духом, уточнил я.

– Как сказать, – мудрые глаза смотрели спокойно и печально. – Это будет зависеть от нашего разговора.

Я промолчал, ожидая продолжения. И оно не заставило себя ждать.

– Скажи, Саша, что бы ты хотел сделать в этой жизни, если бы появился шанс вернуться обратно? – спросил мужчина.

– Многое, Мастер. – Я твердо посмотрел на Господа. – Был бы на вашем месте, не допустил бы ни голода, ни бездомных, ни взорванных в машинах детей и женщин. А вообще, появился бы у меня шанс вернуться, стал бы делом воплощать откровения Иоанна Богослова. В первую очередь воздал бы каждому по делам его.

– Месть ожесточает душу и наполняет её тьмой, – вздохнул Мастер. – Это плохой путь. А что касается бедствий и несправедливости, которых полно в твоём мире... Да, я бы мог это изменить, но не буду вмешиваться в жизнь человечества. Осуждаешь?

– Да, – твердо ответил я. – Каждая человеческая жизнь бесценна. Разумеется, если речь идёт о нормальных людях. Зачем допускать голодные смерти, кровавые войны, теракты и преступления, если всё можно исправить одним щелчком пальцев? Священники утверждают, что Господь наказывает людей за их грехи. Только почему-то на вершине пищевой пирамиды в

обществе находятся далеко не праведники. Политики, которые лгут и изворачиваются. Чиновники, берущие взятки, готовые на любую пакость ради своей карьеры. Даже взять крупных коммерсантов... Первые миллионы сегодняшние господа миллиардеры заработали махинациями, криминальными сделками, хищениями и воровством, ограблением колоний. За каждым большим состоянием стоят кровь, трупы и поломанные судьбы. За редким исключением. Я не говорю об обычных коммерсантах и бизнесменах выше среднего. Сам таким был. Далекое не ангелом, но с принципами. Речь идёт об олигархах, сросшихся с государством. Так почему вы не остановите этот беспредел? Наказываете нас?

– Чушь, – поморщился Мастер, – никто никого не наказывает. Глупости это. Просто... Вот скажи, Саш, осчастливил я всё человечество. Нет больше войн, эпидемий, голода. Все счастливы, обогреты, накормлены и живут на Земле как в раю. Бананы и кокосы сами в рот падают, на лету избавляясь от кожуры. Можно просто жить, не прикладывая никаких усилий, развлекаться и наслаждаться бытием. Дальше что?

– Не знаю, – задумался я. – Сложно такую ситуацию представить. Даже гипотетически.

– Вот видишь, ты не знаешь, – назидательно поднял палец Мастер, – а я знаю. И тебе скажу. Человечество вырождается, деградирует до состояния животных. Ведь теперь ему не надо будет бороться за свою жизнь, получать новые знания, стараться выжить в конкурентной борьбе, зарабатывать для себя и своих близких. За одно-два поколения оно превратится в бездельников, придумывающих себе развлечения и постепенно тупеющих. Да что там превратится, уже превращается. Только через страдания, через преодоление жизненных невзгод люди раскрываются как личности, становятся сильнее, целеустремлённее, умнее, стремятся добиться успеха. Войны, кризисы, естественный отбор, невзгоды необходимы, к сожалению. Они позволяют людям двигаться дальше. Человеку было холодно? Он изобрел способ добывать огонь и обогрел пещеру и соплеменников. Надоело ночевать под открытым небом, мокнуть под дождём? Были построены первые дома. Встала проблема голода? Начало развиваться сельское хозяйство. Искали лекарство, способное вылечить от множества тяжёлых болезней? Александр Флеминг изобрел пенициллин. Поэтому я не отказываю себе в удовольствии помочь отдельным личностям, но никогда не вмешиваюсь в жизнь человечества на глобальном уровне. Ты же слышал выражение «Благими намерениями выложена дорога в ад»? Так и в этом случае.

– Понятно, – вздохнул я. – А со мною что?

– А теперь опять возвращаемся к моему вопросу. Если бы я тебе дал шанс на вторую жизнь, что бы ты сделал?

– Спас бы жену и ребенка, – сразу ответил я. – И разобрался с этими уродами. Это самое первое.

– К сожалению, есть законы мироздания, которые нельзя нарушать даже мне, – вздохнул мой собеседник. – Если вернёшься, их уже не будет в этом мире. Просто не родятся. Губернатор, его сын, бандиты, человек из правительства, захотевший прибрать к рукам твой бизнес, и другие соучастники останутся. Вот представь, попадаешь ты в прошлое, лет этак на сорок назад. Первые действия?

– Тогда... – я задумался. – Приложил бы все усилия, чтобы страна была другой. Чтобы не было бандитского беспредела, голодных стариков и детей в девяностых. Чтобы мы построили благополучное, процветающее государство с крепкой промышленностью и развитым бизнесом. Как Швеция и Финляндия, с высокими социальными стандартами, но со своим особым путём, без перегибов вроде ювенальной юстиции и других «общечеловеческих ценностей». Симбиоз бы сделал. Капитализм, но всё хорошее, что было в социализме, взял бы. Как в Китае, но с учётом нашей специфики и без коммунистической идеологии.

– И ты готов к этому? – Мастер пристально посмотрел на меня.

– Готов, – выдохнул я. – Знаете, я ведь прекрасно помню девяностые. Мой одноклассник Вова Пархоменко погиб в Чечне. Вадьку Пожидаева убили рэкетеры. Люська Васильева

потеряла работу в своём НИИ и банально спилась. Толик Абрамов уехал в Москву и сгинул в бандитских разборках. Мы зарабатывали, да. Но старики, работяги, честно трудящиеся, в чём были виноваты?

У меня на складе беспризорники ящики пустые тягали. Я их подкармливал, деньги платил пацанам. Не потому, что нуждался в таких услугах. На складе грузчики работали – взрослые мужики. Они и мешки, и ящики полные таскали. А пацанам просто дал возможность получить свою честную копеечку и кормил их заодно. Скажете, детский труд эксплуатировал? Ничего подобного, просто приучал их не кланчить деньги, а зарабатывать честным трудом. Иначе терлись бы на складах постоянно, выпрашивали деньги, воровали, не у меня, так у других, и добром бы это не кончилось. Слишком много подобного я видел в это время. А два парня из этой ватаги как-то выбились в люди. Собрали деньги, сняли комнату одну на двоих, торговали на рынке, потом даже стали небольшими коммерсантами. Один у меня до начальника отдела продаж впоследствии дорос. Значит, я им дал работу не зря.

Как-то с наступлением девяностых много людей оказалось за бортом жизни. Их просто выбросили на обочину: ученых, квалифицированных рабочих, простых трудяг, научных сотрудников. Кто смог, устроился на рынке торговать трусами, кто-то уехал за границу, а кто-то пошел бомжевать.

Я старикам продуктовые наборы покупал, деньги подкидывал, но всем помочь не мог, к сожалению. Но ведь можно же было всё сделать по-другому, без этой «шоковой терапии», будь она неладна. Да, знаю, вы можете сказать о первоначальном накоплении капитала, привести другие доводы. Но ведь были у нас возможности обойтись без этого. Заводы, НИИ, правоохранительные органы, которые могли любых беспределщиков к ногтю прижать. Просто не было приказа, и всё. Всем был выгоден бардак, потому что самая жирная рыба ловится в мутной воде.

И этого причмокивающего Гайдара, похожего на молочного поросёнка, лично бы придушил за либерализацию цен и замораживание вкладов на сберкнижках. Многим друзьям я об этом говорил, а они удивлялись: как же так, ты же коммерсант, хорошо зарабатываешь. Для тебя Гайдар должен быть отцом родным. Да нет, ребята, деньги я, конечно, зашибал. Как же без этого? И вполне мог бы зарабатывать без либерализации, дикой инфляции, отморозенных бандитов, благодаря которым однажды трое суток провел в гараже, прикованным к трубе подвала. Пусть даже не так много, но в стабильном государстве, без всех этих когорт взяточполучателей и вымогателей в погонах и чиновничьих креслах, без дикой преступности и с благополучными обеспеченными гражданами.

Может, с точки зрения кратковременных больших барышей в девяностых мы бы проиграли, но в перспективе намного выиграли. Поэтому я хочу попробовать что-то изменить. А ещё пожить в благополучной стране с работающими законами и высоким уровнем жизни для всех. И скрывать не буду, собираюсь рассчитаться по долгам, за сына и жену. Иначе получается, они погибли зря. Вот как-то так.

Я замолчал.

Мастер тепло улыбнулся.

– Хорошо. Стремление к справедливости – сильный и благородный мотив вернуться к жизни. Этого достаточно. Считаю, у тебя есть твой шанс. Ты вернешься на землю. В свою страну и даже в столицу. В самый разгар реформ Горбачева, в 1986 год. Но попадешь в другое тело. Это будет не самый лучший человек на земле. Он – уголовник, полон злобы и ненависти к окружающим. У него бурная биография и пороков хватает. Но другого у меня нет. Этот парень, несмотря на молодость, обречён и умирает сейчас в реанимации. В преисподней его давно заждались. Если ты откажешься, парень всё равно не жилец. согласишься — очутишься в его теле и выздоровеешь. У тебя будет уникальный шанс начать свою жизнь с нуля, с самого низа.

Ты сможешь сделать попытку поменять страну и общество, в котором живешь. Так, как сам считаешь нужным. Годится такой вариант?

– Годится, – выдохнул я.

– Тогда прощай, или, правильнее будет, до встречи. Надеюсь, увидимся лет через пятьдесят, не раньше.

– Я тоже надеюсь, – усмехнулся я.

Старик щёлкнул пальцами, меня подхватил и закружил белоснежный сверкающий вихрь. Вспыхнули золотистые искорки, завертелись в сияющем хороводе, и Мастер исчез, как будто его никогда и не было.

А меня завертело в потоке ослепительного света, а потом окутала угольно-чёрная мгла.

Глава 2

Сознание возвращалось постепенно. Сначала чёрная мгла сменилась серым полумраком. Затем сквозь опущенные веки пробились оранжевые пятна света. Слегка зачесался кончик носа, но было лень двигаться.

«Чего только не приснится, смерть, разговор со Всевышним», – раздражённо подумал я. Медленно открыл глаза и сразу же зажмурился от яркого, режущего света, ударившего по зрачкам.

Ошеломление накатывало волной, затапливая сердце ледяным холодом. За одно мгновение мой взгляд сумел захватить капельницу рядом, иголку, торчащую из худой, обессиленно лежащей руки, синий выколотый перстень на пальце и татуировку в виде кинжала с розой и куском решётки на предплечье. И эта рука точно не была моей!

От шока чуть не помутился рассудок. Всё увиденное казалось дурным сном, чьей-то безумной фантазией в наркотическом бреду.

А потом пришла боль. Она пронзила меня электрическим током, заставив содрогнуться каждую клеточку тела. Боль растекалась по груди огненными ручейками, заставляла подёргиваться руки и трястись ноги. Никогда в жизни я не испытывал ничего подобного. Казалось, к телу приложили раскалённый, пылающий огненным жаром лом и медленно вдавливали его внутрь. Пот тёк с меня не ручьями, а полноводной рекой. В полубреду возникло ощущение, что моё тело плывет посреди небесно-голубых океанских просторов.

Потом опять удушливой мглой навалилось забытьё. Как будто кто-то выдернул вилку из розетки, питающей энергией моё тело, и картинка выключилась, сменившись крошечной чернотой.

В сознание меня привел пронзительный девичий голос.

– Этого не может быть! Валерий Петрович, идите сюда! Посмотрите сами.

Сквозь прикрытые веки забрезжил свет. Размытые тени постепенно превращаются в чёткую картинку. Надо мною склонилась стройная девушка с испуганными глазами в белоснежном халате и таком же чепчике. Рядом с моей кроватью на тумбочке стоит посуда с окровавленными бинтами и тампонами.

– И что тут? Тэк-с... – К девушке присоединился пожилой врач. Как он подошёл, я не заметил.

– Это невероятно. – В голосе доктора слышится изумление. – Такого просто не может быть!

Врач падает на стул рядом, чуть стягивает марлевую повязку со рта, расстегивает пуговицы халата и дикими глазами смотрит на меня.

– Валерий Петрович, нас же за сумасшедших примут, если мы расскажем об этом, – причитает медсестра. – Или мошенниками объявят, на дешевой сенсации популярность зарабатывающих. Так не бывает. Ещё вчера одной ногой на том свете был, с проникающим ножевым ранением грудной клетки, да ещё с осложнением в виде гнойного перикардита, а сегодня свежий шрам на груди. Это просто чудо какое-то, – частит медсестра.

– Чудо, – соглашается врач. – Хорошо, что соседа вчера из реанимации перевели в палату. И этого никто кроме нас не видит. Вот что, Лена. Наложить на этот шрам тампон и бинтов побольше. Мне подумать надо как следует. Но сама никому ни слова, ни полслова. Поняла?

– Не переживайте, Валерий Петрович, никому не скажу. Что я, не понимаю? Я же не дура какая, – уверяет доктора девушка.

Тихонько скашиваю глаза на грудь. Вижу багровый вздувшийся шрам.

– Так что, мне можно уже выписываться, доктор? – Мой охрипший и ослабший голос еле слышен. И тембр у него другой. Раньше у меня баритон был, а тут что-то непонятное.

– Он нас слышал, – вырывается у медсестры, и она в ужасе прикрывает рот ладонью.

– Какой там выписываться. Не выдумывайте, молодой человек, – отвечает пришедший в себя доктор. – Полежите ещё, полечитесь, придёте в себя, а мы вас понаблюдаем.

– Как скажете, док, – соглашаюсь с врачом. И сразу же ощущаю дикий голод. Сильно сосёт под ложечкой, во рту обильно выделяется слюна. Если бы привстал, всю постель бы закапал. Я бы сейчас бройлера сожрал вместе с костями или кило шашлыка легко умял. – Доктор, а покушать чего-то есть? Очень хочется, – делюсь проблемами с Валерием Петровичем.

– Вам сейчас нельзя, сначала пройдёте обследование, – категорично отвечает врач. – В капельнице все необходимые минералы и витамины есть. Этого пока достаточно.

– Док, я сейчас буду одеяло грызть, – равнодушно сообщаю доктору. – Есть хочется так, что челюсти сводит.

Врач откидывает одеяло и внимательно осматривает шрам. Его пальцы касаются груди.

– Больно?

– Нет, – равнодушно отвечаю я.

– А здесь? – Пальцы смещаются и давят чуть сильнее.

– Ничего. Никакого дискомфорта. – Я с интересом наблюдаю за перемещениями руки.

– Это черт знает что, поверить не могу, – ошеломленно бормочет Валерий Петрович.

– Согласен, – поддерживаю врача. – Между прочим, наволочка невкусная, а кусочки нитей будут застревать в зубах. Мне можно начинать её есть или вы что-то придумаете?

– Ладно, – вздыхает доктор, – Лена вам манную кашу из столовой принесет. Там она должна быть.

– Чего-то посущественнее нельзя?

– Нельзя. – Валерий Петрович суров и непреклонен. – Или манка, или ничего. Выбирайте.

– Несите уже свою манку. – Я обессилено закрываю глаза и откидываюсь на подушку. – Изверги.

Док удалился, попросив меня не напрягаться и во всем слушаться медсестру. А потом Лена принесла манку. Каша оказалась с комками и с сероватым оттенком. Но мне было уже всё равно.

Я послушно открывал рот, а девушка аккуратно ложечкой заливала туда манку, не забывая промокать мои губы чистой влажной тряпочкой. Расстегнутый на две верхних пуговички халатик позволял оценить внушительный бюст медсестрички. Я с интересом рассматривал колышущиеся передо мною два упругих молочных полушария, чувствуя себя турецким султаном в спальне любимой наложницы. Чтобы шоу ни на минуту не останавливалось, быстро проглатывал очередные порции каши, скользящие комками по пищеводу, и опять открывал рот, стреляя глазами в вырез кофточки Лены.

Медсестра поймала мой жадный взгляд, испуганно отшатнулась, поставила почти пустую тарелку с кашей на тумбочку и запахнула халатик до горла.

– Манку доедать будем? – сухо спросила девушка.

Я удрученно помотал головой, продолжая пожирать взглядом аппетитную грудь, рельефно обтянутую халатиком.

– Больной, вам нельзя так перенапрягаться. – В голосе медсестрички звучат иронические нотки.

– У вас такие выдающиеся... э-э-э... достоинства, что любой мужчина перенапряжётся.

Девушка хмыкает, гордо вздергивает носик и удаляется, прихватив пустую тарелку.

Откидываюсь на подушку, прикрыв глаза. Что-то не то со мною происходит. Вроде никогда таким озабоченным не был и девчонок так явно не клеил. Может, вторая личность на характер влияет?

А пока с любопытством разглядываю палату. Белые стены с тонкими линиями разветвляющихся трещинок, грязно-голубые стены. В палате ещё три широкие реанимационные кровати с подвешенными на цепях крюками-рукоятками сверху, чтобы больной мог принять сидячее положение, ухватившись за них.

Внимательно оглядел себя. Болезненно худое тело, тонкие, но жилистые руки, татуировка на груди с оскаленной мордой быка, на указательном пальце выколот синий перстень с белым крестом, а на среднем – с чёрным квадратом.

Захотелось нецензурно выругаться. Мастер вселил меня в тело отпетого уголовника. А если он ещё и наркоман? Эта мысль заставила меня похолодеть. Внимательно осмотрел руки. Вены чистые, «дорог» нет. Облегченно выдохнул.

Думать ни о чём не хотелось. Было ощущение сильной усталости. Сомкнул веки и моментально вырубился.

* * *

На следующий день меня перевели из реанимации в обычную палату. Я даже сам ходить мог, тяжело, еле передвигая ногами и задыхаясь при каждом шаге, но мог. Гордо отказался от утки и добрался до туалета с помощью медсестры Наташи, поддерживающей меня за локоть.

В палате меня никто не беспокоил. Один больной, пожилой колхозник, в этот день выписался. К другому, молодому парню, получившему производственную травму руки, пришла девушка, и парочка пошла подышать свежим воздухом в сквере, примыкающем к больнице.

А потом ко мне пришел первый посетитель.

Когда я отдыхал после похода в уборную, дверь резко распахнулась. На пороге стоял мужчина лет тридцати.

– Елизаров Михаил Алексеевич? – уточнил он.

– Наверное, – лениво ответил я, с интересом осматривая гостя. Серый безликий костюм, советские чёрные туфли, похожие на гробы, белая рубашка с расстёгнутым воротником. И тяжёлый цепкий взгляд, выдающий принадлежность гостя к органам правопорядка.

– Что значит «наверное»? – нахмурился милиционер. – Ты что, Елизаров, издеваешься?

– Нисколько. Просто не понимаю, чего вам от меня нужно, – зевнул я.

– Ты получил ножевое ранение. Я обязан снять с тебя показания, – сухо проинформировал сотрудник милиции. – Хватит придуриваться.

– Да я не придуриваюсь. Только вы, товарищ милиционер, не по закону действуете.

– Ты меня ещё учить закону будешь, уголовник недорезанный?! – побагровел мужчина.

– Буду, – твердо ответил я. – Во-первых, вы обязаны представиться и сами изложить цель своего визита. Во-вторых, при допросе пострадавшего, свидетеля и даже обвиняемого у вас должно быть разрешение врача. Вдруг я сейчас разволнуюсь, кровотечение откроется, и отправлюсь к праотцам? И кто будет в этом виноват, угадайте с трёх раз?

– Ты, ты... – Мент начал хватать ртом воздух. – Вообще оборзел, Елизаров?

– Нет, я просто хочу, чтобы были соблюдены процессуально-правовые нормы. Итак, приступим. Ваше имя, фамилия и звание, и чего вы тут у меня забыли? Чётко, кратко и по делу, пожалуйста. У меня здоровье ещё слабое, нервничать нельзя, и нет времени с вами лясы точить.

– Я не понял, кто кого здесь допрашивает? – изумился милиционер. – Ты что, сявка, совсем берега попутал?

– Вы разговариваете, как какой-то уголовник, – укоризненно посмотрел я на милиционера. – Как вам не стыдно? Советский милиционер должен обладать высоким моральным обликом. Он переводит маленьких девочек через дорогу, помогает носить ветеранам авоськи, достаёт котиков из горящих домов. Вы что, дядю Стёпу не читали? Фу таким быть.

– Понятно, – выдыхает сотрудник правопорядка, – ты надо мною издеваешься, плесень блатная.

Железная рука хватается меня за горло.

– Слушай, скотина, – шипит милиционер, наклоняясь ко мне. – Будешь выделяться, прямо из больницы в обезьянник поедешь. Не шути со мною, понял?

Я хриплю, ухватившись ладонями за запястье мента. Мои руки ещё слишком слабы, чтобы снять железный захват с горла.

– Немедленно выйдите из палаты! Кто вы такой? Что себе позволяете? Кто вам разрешил сюда заходить?! – На пороге стоит разъярённый Валерий Петрович.

– Старший лейтенант милиции Владимир Самойлов, – представляется гость, показывая медику красную корочку.

– Это все равно не дает вам права врывать в палату без разрешения врача и подвергать больного физическому насилию. – Доктор и не думает понижать тон. – Выйдите вон и знайте, что я буду жаловаться вашему начальству.

Милиционер прожигает меня многообещающим злым взглядом и стискивает челюсти. Мне кажется, что слышу, как скрипят его зубы. Самойлов отворачивается и быстрым шагом покидает палату.

– С вами все в порядке? – Надо мною склоняется озабоченное лицо доктора.

– Благодаря вам, да, – хриплю в ответ, массируя горло.

– Точно? – не успокаивается Валерий Петрович.

– Сто процентов.

– Вот и хорошо, – улыбается врач. – Сегодня отдыхайте, скоро обед. А завтра, в час дня, ко мне на перевязку. Кабинет в конце коридора. Я Лену пришлю, она вас проведёт.

Второй посетитель пришёл через пару часов. Я отдыхал после обеда, который был так себе: водянистый суп с рыбными хрящами, жёлтая безвкусная пюрешка с котлетой. Но я почему-то чувствовал нарастающий голод. И слопал всё за милую душу за один присест.

Пожилая женщина в накинута на плечи белом халате зашла неожиданно. Она окинула помещение взглядом и остановилась, увидев меня.

– Мишенька, сыночек, как ты? – заголосила гостя.

– Нормально, как видишь, – усмехнулся я. Внимательно посмотрел на женщину. Усталое лицо, грустные складки возле губ, выцветшие поблекшие глаза, глубокие морщины. Видно, что жизнь её неслабо помотала.

«Мама, мамочка родная», – ком подступил к горлу, а глаза увлажнились.

«Стоп, эта женщина не моя мать! Так почему я так реагирую?» – мелькнула мысль в голове и пропала. Нежность тёплой волной согрела душу.

– Я тут тебе поесть принесла, – засуетилась женщина.

На прикроватной тумбочке появились баночка с гречкой и кусочками курицы, помидоры, огурцы, яблоки, печенье, палка колбасы, кирпичик хлеба и пачка «Космоса».

– Спасибо, мамуль, – поблагодарил я, справившись с чувствами.

– Кушай, Мишенька, на здоровье, поправляйся, а я тебе ещё принесу. – Женщина улыбнулась и ласково погладила по жесткому ежику волос.

– Хорошо, мам. Я потом как-нибудь. Только что пообедал. А за еду ещё раз спасибо. Мне сейчас кушать хочется всё время. Наверное, на поправку иду. А в больничке с этим, сама понимаешь, не очень.

Женщина изумленно смотрит на меня.

– Мишенька, с тобой всё в порядке? Может, надо чего? Так ты только скажи!

– Да всё в порядке, мам. Чего ты так распереживалась?

– Ты никогда мне спасибо не говорил, – задумчиво протягивает женщина. – Может, решил наконец за ум взяться? Слава тебе, господи. Миша, бросай своих дружков поганых! Из-

за них у тебя вся жизнь наперекосяк пошла. Тебе двадцать один год всего, а уже отсидел. И сейчас подрезали. Зачем тебе всё это? Ещё не поздно всё исправить. Устроишься на завод, будешь жить как все нормальные люди.

– Мам, я сам больше этой фигней заниматься не буду. Не знаю, пойду на завод или нет, но занятие себе найду. Больше никаких дел со шпаной, обещаю. По крайней мере, сам инициативу проявлять точно не буду. Обещаю, – отвечаю матери.

– Правда? – Глаза женщины влажнеют. – Неужто за ум взялся? Не верила, что доживу до этого!

Поболтали немножко с «мамой». Вернее, говорила она, а я слушал, кивал и поддакивал. Мама мне понравилась. Женщина простая, жизнью битая, но сына своего любит и только добра ему желает.

Наконец, «мама», поцеловав меня на прощанье, удалилась. Через полчаса прибежал радостный сосед по палате, попробовал завязать разговор, но я не был настроен на беседу, отвечал односложно. Любитель общения надулся, достал карандаш и журнал с кроссвордами и раздражённо отвернулся.

Третья посетительница появилась под вечер. Она заглянула в палату, когда я уже начинал дремать.

– Здорово, Мишка. Как сам, оклемался? – спросила гостя с порога.

Посетительница подошла ко мне и присела на матрас соседней кровати. Ей было лет двадцать. Я с интересом разглядывал гостью, расплывшуюся в широкой улыбке. Синие тени на веках, ярко-алая вульгарная помада, белое от пудры лицо. Мордашка, несмотря на молодость, потаскана, верхний зуб в правом углу отсутствует. Глазки ушлые, рожица хитрая, но уже видны отеки и небольшая одутловатость.

«О господи! – пронеслось в голове. – Алкоголичка».

– Более-менее, – ответил нейтрально.

Девушка, если так можно назвать это существо, сложила губки колечком и потянулась ко мне. В нос ударил запах водочного перегара и немытого тела.

Одутловатое лицо с закрытыми заплывшими глазками и сложенными колечком губами угрожающе приблизилось. Светлая грязная челка упала на лоб, придавая дамочке ещё большее сходство с персонажами культовых фильмов ужасов.

«Мама, роди меня обратно», – пронеслось в голове.

Я поморщился и брезгливо отстранился, удерживая гостью руками.

– Мадам, целоваться при встрече – это моветон. Лучше давайте поговорим о высоком искусстве. Как вы относитесь к творчеству Кафки?

Дамочка растерянно заморгала. Челюсть чуть приоткрылась, показывая нижний ряд желтоватых зубов.

– Мишка, ты чего?

– Ответьте на вопрос.

– О хавке?

– Можно сказать и так. – Я благоразумно не стал рассказывать о разнице между жратвой и писателем.

– Извини, родной, с хавкой сложно, бабок голяк, – развела руками красавица, – но я тебе всё же кое-что принесла.

Девка, воровато зыркнув глазками по сторонам и убедившись, что сосед спит, повернувшись к нам спиной, вынула из кулька 250-граммовую бутылочку «Столичной». Дамочка быстро спрятала её в нижнем ящике моей тумбочки и самодовольно улыбнулась, ожидая похвалы.

– Забери эту гадость обратно. И чтобы спиртного в моей палате и близко не было! – заявил я.

Довольная улыбка сползла с лица девки.

– Ты чего это, Миха? – обиженно пробубнила она. – Я старалась. На последние тебе водяры купила, чтобы порадовать.

Девка шумно шмыгнула носом, утерлась рукавом блузки и обиженно засопела.

«Моя же ты красавица. Из какой глуши ты появилась, чудо первобытное?» – умилился я.

Опухшее лицо дамочки сморщилось, глазки покраснели.

– Ладно, не расстраивайся, – поспешил успокоить несчастную. Не хватало, чтобы она прямо здесь заревела. Надо девушку озадачить. – Лучше скажи, что ты думаешь об авангарде? Тебе не кажется, что «Чёрный квадрат» Малевича концептуально является метафизическим выражением предметной ассоциативности?

Деваха изумлённо вытаращила глаза. Из приоткрытого рта потянулась пузырящаяся ниточка слюны.

«Дебилка, б...дь», – обречённо подумал я, наблюдая «зависание системы».

– Пре... предметной ассоциативности, – неуверенно повторила она через минуту, глядя на меня круглыми глазами.

– Именно, – важно киваю. – Так что там насчет «Чёрного квадрата»? Но если не хочешь обсуждать великого маэстро, можем поговорить о шедевре Альфонса Алле «Уборка урожая помидоров на берегу Красного моря апоплексическими кардиналами». Как тебе сюрреалистичное совмещение цветов на этой картине? Не правда ли, оно придает шедевр особую эстетику? А нежно-голубая дымка на заднем плане в сочетании с ядовито-зелёной травкой делает картину более сочной и выразительной. Согласна?

Девка захлопывает рот и быстро-быстро кивает.

– Слушай, а почему ты меня по имени ни разу не назвал?

– Не знаю, – отвечаю гостье чистую правду. Я ведь действительно не в курсе, что это за существо, и как его зовут. Подозреваю, что это девушка предыдущего хозяина тела.

– А может, ты вообще меня позабыл, кобель проклятый, – подбочивается посетительница, воинственно уперев руки в бока. – Давай, назови моё имя. А я тебя за это поцелую, крепко-крепко, – добавляет она, кокетливо стрельнув глазками.

«Боже мой, только не это!» – от перспективы соприкоснуться со слюнявыми губёнками этой чушки меня бросает в дрожь.

– Аделаида, не? – Смотрю на неё невинными глазами.

Девка нахмуривается и злобно сверкает глазами.

– Не угадал? – грустно уточняю я. – Может, Ефросинья?

Гостья рычит.

– Опять не то? Степанида?

В мою голову летит подушка.

– Верка я, Верка, – орёт гостья. – Мы с тобой уже три месяца встречаемся. Ах ты, алкаш проклятый.

«Кто бы говорил», – скромно замечаю про себя.

– Да ладно, не кипешуй, пошутил я, – улыбаюсь Вере.

– Шутки у тебя, однако, – ворчит гостья, успокаиваясь. – В следующий раз я над тобой пошучу.

«А следующего раза не будет», – продолжаю мысленный диалог с посетительницей.

– Теперь я тебе фиг дам в ближайший месяц, – злобно улыбается девка.

«Слава Богу! Господи, спасибо!»

– Договорились, даже не знаю, как я это перенесу, – печально вздыхаю я. С трудом удерживаю губы, готовые расплыться в широкой улыбке.

Посетительница что-то почувствовала и подозрительно посмотрела на меня.

– А может, не будешь меня так жестоко наказывать? – брякнул я. И тут же пожалел об этом. Не дай бог, это чудовище согласится.

– Посмотрим, – поджав губы, ответила гостья.

«Фух, пронесло».

– Ладно, ты пришла, проведала, теперь можно и домой идти, – деликатно намекаю Верке, что пора и честь знать.

– Козел ты всё-таки, Мишка, – рычит гостья. – И не вздумай больше ходить за мной! Всё кончено.

Мысленно аплодирую Вере. Она хватает принесенную чекушку «Столичной», засовывает её обратно в свой потёртый кулек и, гордо вздернув сизый нос шагает к двери, виляя толстой отвислой задницей.

С умилением смотрю на удаляющийся грушеобразный силуэт своей «девушки». С силой дёрнутая дверь хлопает, как пушечный выстрел, навсегда разделяя меня с бывшей «невестой».

«Прощай, любимая. Мы разошлись, как в море корабли. Как мне будет не хватать твоей одутловатой рожи, мутных глаз и толстой жопы».

– Кто это так дверью хлопает? Был бы здоров, набил бы уроду морду, – недовольно ворчит проснувшийся от удара сосед.

– Забудь, у неё просто синдром алкогольной абстиненции, осложнённый плохой наследственностью, – ответил я. – Наплюй и живи дальше.

– Поссорились? – сочувственно спрашивает парень.

– Было бы с кем, – успокаивающе машу рукой.

Встаю с постели и, пошатываясь от слабости, подхожу к окну. На улице стоит лето или поздняя весна. Деревья уже окутаны сочной зелёной листвой. Веточки слегка покачиваются под порывами ветра. На скамеечке сидит бабушка с родственниками. Мимо проходит женщина, ведущая за руку весело прыгающего ребёнка. Идут смеющиеся девушки. Неторопливо шагает парень, увлечённо поедающий мороженое в вафельном стаканчике.

«Здравствуй, новая жизнь! Теперь я не допущу прошлых ошибок. Всё ещё только начинается!»

Глава 3

Ординаторская хирургического отделения 17-й больницы.

– Валерий Петрович, а может, всё-таки расскажем об этом уникальном случае? Ведь это сенсация! За сутки у больного полностью затянулось ножевое ранение. Только шрам остался. Это же чудо! Мы можем прославиться на весь мир.

– Леночка, девочка моя, ты ещё наивный ребенок. Как только мы заявим о чуде, сразу же станем шарлатанами и мошенниками, жаждущими дешёвой сенсации. Ты думаешь, мы что-то сможем доказать этим твердолобым, мнящим себя светилами медицины? Ни-че-го! Такого быть не может, и всё! И правильно. Если бы я сам это своими глазами не увидел, то же самое бы сказал. Лена, мне два года до пенсии осталось. И я хочу их отработать нормально, без скандалов и прочих сомнительных приключений. Поэтому мы никому об этом не скажем, а выпишем больного через пару-тройку дней. Тем более что он уже почти две недели тут баклуши бьёт, больничное место занимает. А здесь не курорт, а больница. Мы людей должны лечить, а не со здоровыми оболтусами возиться.

– Но, Валерий Петрович, может, подумаете?

– Я уже обо всём подумал. Пациента выписываем и забываем о нём. Всё. Держи язык за зубами. Поняла?

– Поняла. Жалко всё-таки. Может, благодаря ему новая эпоха в медицине могла начаться.

– Не выдумывай! Иди, работай. И чтобы я больше таких предложений не слышал!

* * *

Через две недели меня выписали. За мной заехала мама, и я попрощался с соседями: пареньком с травмированной рукой, хмурым пожилым мужчиной, получившим ножевое ранение по пьяни от ревнивой жены, и весёлым толстячком, попавшим к нам после удаления аппендикита.

Двое последних сначала отнеслись ко мне настороженно, увидев говорящие татуировки на теле. Но потом, убедившись, что я не собираюсь «быковать» и нормально общаюсь, растаяли. Поэтому распрощался с соседями душевно.

Мать сложила старые вещи в свою большую брезентовую сумку, а мне выдала мешковатые серые брюки и затёртую чуть ли не до дыр футболку с улыбчивым олимпийским мишкой. Когда-то она была белой, а сейчас стала чуть сероватой. А довольный мишка, выпятивший свою грудь, из-за отвратительного состояния футболки смотрелся гротескно и жутковато.

«И вот это мне предлагается надеть?» – ужаснулся я, рассмотрев одежду, в которой мне предстояло поехать домой.

– Сынок, с тобой всё в порядке? – всполошилась мать, превратно истолковав мою гримасу.

– Нормально, мам, – отмахнулся я. Не стесняясь родительницы, избавился от синих спортивных штанов и майки и переоделся в брюки и футболку.

– Идем?

– Пошли. – Рано постаревшая женщина кивнула. На секунду уставшее и осунувшееся лицо осветилось искренней доброй улыбкой, сделавшей маму моложе. Разгладились морщины, в карих измученных глазах засветилась задорная искорка. Женщина на мгновение словно сбросила с себя груз прожитых лет, перенесенных ударов судьбы и житейских проблем, помолодев лет на двадцать. И сразу стало видно, что она была привлекательной и обаятельной в юности.

«Похоже, сыночек десяток лет жизни ей убавил, урод поганый, и не только он», – отмечаю в уме.

Медленно идём к выходу. Спускаемся по лестнице, проходим сквозь кучку людей и мимо врача в коридоре. Открываю скрипнувшую дверь. Ласковое весеннее солнце гладит лицо тёплыми дружелюбными лучиками, заставляя глаза зажмуриться. Уличный воздух бодрящей волной врывается в легкие, даря ощущение прохлады и свежести.

– Чего застыл, Мишенька? – Мама обеспокоенно касается локтя.

– Ты не представляешь, мамуль, как здорово после этой больницы выйти на улицу и вдохнуть полной грудью.

– Почему? Представляю. Только ты больше эту водку проклятую не пей. И дружков своих, бандитов, брось. Сейчас повезло – живым остался и здоровым, наверное. А доктор сказал, чуть бы левее ударили, и всё, хоронили бы. – Мамино лицо некрасиво морщится.

Женщина утыкается мне в грудь, сдавленно всхлипывает и с трудом удерживается, чтобы не разрыдаться. Девушка в ярком красном платье с белыми узорами – цветами, лохматый мужчина в сером костюме, заходящие в больницу, кидают на нас любопытные взгляды, но, встретившись с моими глазами, смущенно отворачиваются в сторону.

– Мамуль, ну чего ты, перестань, всё наладится. – Моя ладонь неловко гладит всхлипывающую и прижавшуюся женщину по каштановым волосам с уже видимой сединой у корней.

Матушка отстраняется. Её глаза наполнены влагой.

– Обещаешь? – Женщина смотрит на меня с отчаянной надеждой.

– Говорили уже, – морщусь я. – Обещаю, конечно.

Мать аккуратно снимает подушечками пальцев слезинки в уголках глаз, готовые прокаться прозрачными дорожками по щекам.

– Извини, я что-то совсем расклеилась. Просто когда узнала, что тебя ножом ударили, сердце чуть не оборвалось.

– Ничего страшного, мам. Я всё понимаю.

Женщина берёт меня под руку, и мы идём к остановке. Мой взгляд жадно скользит по московской улице. По дороге проносятся юркие «жигули», громоздкие «Волги», вместительные рафики, советские внедорожники – уазики, МАЗы, КамАЗы и ни одной иномарки. Зелёные деревья, уютные скверики, Москва ещё не превратилась в бездушный мегаполис из стекла и бетона. Люди с открытыми лицами, смеющиеся дети, весёлая молодёжь. Ни одного озлобленного и убитого бытовыми проблемами лица. Рекламы нет, вообще никакой. И от этого город кажется чище, уютнее и добрее. Даже время здесь, по сравнению с современной Москвой XXI века, течёт медленнее и размереннее. А дышится легче и свободнее.

Нет, я не фанат Союза, который был до перестройки. И тем более коммунистов. Но надо признать, было в том времени особое очарование. Спокойный и налаженный быт, отсутствие тревоги за завтрашний день. – Как всего этого не хватало обычным людям.

И безумно жаль, что в будущем, разрушая страну, мы вместе с водой выплеснули и ребенка. Избавились от недостатков социализма вместе со множеством его достоинств.

– Миша, – матушкина ладонь дёргает меня за локоть, – идём быстрее, там наш троллейбус подъезжает.

Громыхая железом, останавливается красно-белый троллейбус. Дверки-гармошки разъезжаются в стороны, выпуская людей. Из транспорта течёт поток пассажиров: бабки, молодые парни, женщины средних лет, ворчащий дед и даже влюблённая парочка. А потом начинают заходить люди, стоявшие на остановке. Мама достает из сумочки свой громоздкий кошелек из коззама, выуживает пальцами две пятикопеечные монетки и протягивает их водителю, толстому дядьке в клетчатой рубашке с закатанными рукавами. Затем получает сдачу – две маленькие монетки по копейке. Мы с матушкой протискиваемся в середину салона, расталкивая плечами кучно стоящих людей. Родительница пробивает талончики в компостере.

От поездок в общественном транспорте я давно отвык. И сейчас ощущения ужасные. Меня постоянно толкают, пихаются локтями. Рядом злобно ворчат хмурые бабки. Пару раз по моим ногам хорошо потоптались. Причем второй раз это была здоровенная тётя примерно полтора центнера весом.

Я даже зашипел от боли и чуть не сказал ей, что спасательный круг на пузе очень кокетливо смотрится, превращая её в большую мягкую горку. А также практичен, поскольку гарантированно защищает хозяйку от голода, холода и разврата. Но, смерив задумчивым взглядом неповоротливую слониху, промолчал. Опасно грубить женщине, у которой одна ляжка весит, как я, а здоровенные бицепсы на руках больше, чем у молодого Шварценеггера.

В троллейбусе было душно, жарко, и вся эта масса людей, набившихся в транспорт, как сельди в бочку, обильно потела. Когда наконец мы подъехали к нашей остановке, я трудом выпихнулся из этой спрессованной людской массы в измятой и задранной вверх футболке, весь залитый потом, с синяками на спине и боках. Экстремальный тур в советском общественном транспорте меня шокировал. Ещё и матушку, застрявшую между здоровенной тёткой, кряжистым мужичиком в кепочке и древним дедом в штанах «прощай молодость», пришлось выдирать на улицу.

Остановка находилась рядом с жильем. Через пять минут я уже стоял возле большой деревянной двери, обитой потрескавшейся и немного рваной коричневой кожей молодого дерматина. Матушка сосредоточенно ковырялась ключом в замочной скважине, наконец, под клацанье замка, провернула его два раза, а потом распахнула дверь.

Первое, что я увидел, были колготки, рубашки, трусы и майки, развешанные в коридоре. Облезлая тумбочка, чей-то старый велосипед, прислонённый к стене.

«Коммуналка? Вот это попал так попал». – В охренении я оперся о стену.

– Чего встал, сына? Снимай обувь и проходи, – деловито распорядилась мама.

И тут, окончательно добывая меня, из кухни заунывно завыл хриплый мужской голос:

У павильона «Пиво-воды»
Стоял непьяный постовой.
Он вышел родом из народа,
Как говорится, парень свой.
Ему хотелось очень выпить,
Ему хотелось закусить,
Хотелось встретить лейтенанта
И глаз подлюке погасить.

«Млять, приехали, это шалман какой-то», – мелькнуло в мозгу.

– Паша, – заголосила матушка. – С утра уже набрался? Ну нельзя же так!

– Как только ты ушла, он сразу бухать начал, – подтвердила вынырнувшая неизвестно откуда бабка в древнем голубом халате и с растрепанными седыми волосами. – Совсем стыд потерял, бесстыжая морда, аспид проклятый.

От бабки несло кисло-сладким запахом старческого тела и неповторимым ароматом нестиранных стоячих носков. Сморщив нос, я инстинктивно отодвинулся от шустрой старушки, продолжая разглядывать соседку.

В глазах престарелой стукачки горели нездоровые огоньки азарта и ожидания скандала. Со мной она поздороваться не захотела, демонстративно повернувшись спиной. Скорее всего, у бывшего владельца тела отношения со старухой были не очень.

– Да погоди ты, Петровна, – отмахнулась мать. – Сами разберёмся.

Она метнулась на кухню. Я пошел за нею. За нами увязалась любопытная бабка, желающая лично понаблюдать шоу «разборка с алкашом».

Но мне было не до этого. Сознание ругалось, характеризуя эмоциональными фразами окружающую обстановку. На ум лезли непарламентские выражения о женщинах с низкой социальной ответственностью, лицах нетрадиционной ориентации и видах извращённого секса.

На кухне за старым столом с потёртой и исцарапанной столешницей сидел татуированный мужик лет пятидесяти в серой от грязи майке и клубком спутанных волос, кокетливо выглядывающих из выреза на груди. Рядом с ним стояли ополовиненная бутылка «Пшеничной», давно не мытый стакан и тарелка с нарезанными кружочками маринованного огурца.

«Точно шалман, – констатировал я. – Вот же ж, млять, чего же мне так не везёт?!»

– Пашенька, ну нельзя же днём уже за бутылку браться! – начала воспитательную работу родительница. – Тебе же ночью на смену идти, а ты пьёшь уже.

Мужик молчал, тупо уставившись глазами в стол. Икнул, брызнув слюной на стол. Затем поднял голову и увидел меня. Выражение лица стало более осмысленным. Губы алкаша растянулись в улыбке.

– О, Миха. Выписали уже? Садись, выпьем! – протянул ладонь поклонник зелёного змия.

После короткого колебания я решил всё-таки пожать руку жертве алкоголя.

А мать, пользуясь тем, что внимание любителя водки отвлечено, попыталась схватить бутылку с живительной влагой.

– Ты чего? – Мужик быстро цапнул драгоценный сосуд, разразился матерной тирадой и замахнулся.

Хватаю его за запястье.

– Не надо. Поднимать руку. На мою мать, – советую Паше.

– Правильно, Миша, молодец, – поддержала меня довольная Петровна. – Никак за ум взялся! Не давай пить этому ироду! Совсем уже с ума сошёл!

Отёчная морда мужика налилась кровью. Он попытался схватить другой рукой кухонный нож, лежащий на столе. Резко толкаю его плечом, и приподнявшийся со стула Паша падает грудью на стол. Нож, до которого он чуть не успел дотянуться, улетает на пол. Бутылка с грохотом падает, орошая стол и коричневый, местами вздыбленный линолеум прозрачной влагой.

Приходится скручивать взревевшего мужика, заламывая руки за спину.

– Куда его тащить? – спрашиваю у матери.

– Сейчас, Миша, сейчас, я комнату открою, – засуетилась родительница.

Тело брыкается, но как-то вяло. Мычит нечленораздельно матюки, но я уже вытаскиваю его в коридор. Мать дрожащими руками вставляет ключ в замок одной из комнат и распахивает дверь. Затаскиваю алкаша в помещение и укладываю на диван. Он пытается встать, но лёгким толчком в грудь снова отправляю его в горизонтальное положение.

Паша, поняв, что встать не получится, сворачивается в клубочек, подтягивает подушку к себе и моментально засыпает, радуя нас могучим храпом.

Утираю пот, дышу, как будто после марафона, сердце чуть не выпрыгивает из груди, отстукивая барабанную дробь о грудную клетку.

– Сыночка, с тобой всё в порядке? – обеспокоенно спрашивает мама, заметив моё состояние.

– Нормально. Просто ещё не совсем восстановился после больницы, – успокаиваю родительницу.

– Может, пойдёшь полежишь в своей комнате?

«Если бы я ещё знал, где она находится».

– Так у меня ключей нет, – отвечаю я. – Как я туда пройду?

– Сейчас я открою, – суетится матушка, доставая из сумочки связку ключей, – пойдём.

Вежливо пропускаю родительницу вперёд. Выходим в коридор. Следующая дверь оказалась моей комнатой. Захожу за матушкой и осматриваю помещение, где мне предстоит жить

некоторое время. Кровать с железной сеткой. Матрас аккуратно заправлен одеялом. На нём лежит подушка в белоснежной накрахмаленной наволочке.

– Я к твоему приезду постельное белье постирала, – сообщает матушка.

– Спасибо, мамуль.

Продолжаю осмотр комнаты. Всё остальное производит удручающее впечатление. Затёртый красно-коричневый ковер на стене, убогий половичок с расползающимися во все стороны нитями. У окна – покаянный письменный стол. На столешнице лежит мутное оргстекло. Под ним – несколько фоток и какие-то обложки журналов. Сбоку от стола – плакат с грудастой красоткой в откровенном бикини. Там же – небольшой шкаф со старыми книгами.

«М-да, бомжатник бомжатником, – делаю вывод. – Живу в коммуналке, папаша – алкоголик и моральный урод. Предыдущий хозяин тушки – отсидевший уголовник. Полный букет для последующей деградации. Как там великий Карл Маркс говорил? Бытие определяет сознание? Значит, надо срочно что-то делать, менять условия, выходить из этой среды. Кстати, а Паша – точно мой папаша? Сыном он меня не обзывал вроде, а когда матерился, орал мамаше “твой щенок”. Надо проверить».

Разворачиваюсь к матери.

– Мать, а чего это папаша такой буйный сегодня?

– Какой папаша? – недоумевает она, а потом в глазах мелькает искорка понимания. – А, ты о Пашке, что ли? Чудно, раньше ты его папашей никогда не называл.

«Понятно, скорее всего, отчим. Надо фотки посмотреть старые, чтобы понимать, что к чему».

– Ладно, мамуль, пойду я на улицу, продышаться хочу. Закис в больнице совсем.

– Миш, ты же не ел ничего. Давай я макароны разогрею, поешь и пойдёшь, – предлагает родительница.

– Не, ма, я потом. На свежий воздух хочу.

– Иди, – матушка растерянно смотрит на меня, – только со своими друзьями не якшайся больше. Один раз они до тюрьмы тебя довели. Да и не выздоровел ты как следует.

– Опять двадцать пять. Мам, я же обещал. Сколько раз можно из пустого в порожнее переливать?

– Хочется тебе верить, – вздыхает родительница. – Ладно, поживём – увидим, а пока вот, возьми.

Она снова достаёт свою кошёлку, роется в ней и протягивает зеленоватую «трёшку».

– Вот тебе на сигареты там или ещё что-нибудь. Больше дать не могу, Пашка много денег пропил, – вздыхает матушка.

– А это квартира Пашкина?

– Миша, что за вопросы? – сердится мать. – Мы с ним пять лет назад жить начали. Он из деревни в Москву приехал, в общежитии жил.

– Так, может, это сокровище, того? Обратно в общежитие отправить? – интересуюсь у мамы. – Зачем нам такие приключения?

– Да что ты такое говоришь? – бормочет женщина. – Как его выгнать? Живой человек всё-таки. И вообще, он хороший, когда трезвый, – неуверенно добавляет она.

– Все мы хорошие, когда спим зубами к стенке. Но учти, будет продолжать пьянствовать и на тебя руку поднимать, обратно в общежитие отправится или в свою деревню, мне без разницы, – сообщаю матери.

– Михаил, я тебя не узнаю. – Женщина тревожно смотрит на меня. – Ты же недавно сам бухал с Пашкой, а теперь так говоришь.

– Мам, только не начинай, а? Я же тебе обещание дал, теперь у меня и у тебя будет новая жизнь, вот увидишь.

– Дай-то бог, – шепчет мама, крестится и вдруг притягивает меня и целует. – Мишенька, я так хочу, чтобы это было правдой.

– Вот увидишь. Так и будет.

По впалой щеке женщины ползёт прозрачная слезинка. Вытираю её подушечкой пальца. Прижимаю маму к себе. Она порывисто обнимает меня, всхлипывая.

– Мамуль, выше голову. Я же сказал, всё будет хорошо.

Когда родительница немного успокоилась и вручила мне ключи от комнаты и квартиры, пошёл прогуляться. Пробежался вниз по ступенькам, с интересом рассматривая надписи на стенах. «Витя + Маша = Любовь».

«Банальщина».

Взгляд скользнул ниже.

Знаменитое слово из трёх букв, обозначающее мужской орган для размножения. Сурово и кратко. Чего автор хотел этим высером добиться? Демонстрировал зачатки грамотности, знание анатомии человека или умение складывать слова из трёх букв? Это науке неизвестно. Печально, что таких неандертальцев много.

О, а ниже уже другая надпись из пяти букв. Уже об особенностях женской физиологии.

Как там у Высоцкого? «В общественных парижских туалетах есть надписи на русском языке». А у нас почти каждый подъезд хрущевки или коммуналки как общественный туалет. Заплёванный, измазанный в каком-то дерьме. Окурки повсюду валяются, мусор рассыпан. Нет, надо отсюда потихоньку сваливать куда-то в более приличное место.

Созерцание настенных испражнений существ, считающих себя разумными, оскорбляет мой тонкий эстетический вкус. Нет, я не корчу из себя рафинированного эстета и аристократа голубой крови, презрительно кривящего лицо при матерных выражениях из уст обычных людей. Сам могу изредка ругнуться, используя непарламентские выражения. Но вот когда засранные подъезды с матерными надписями вижу, реально противно. Как будто в дерьме сам вымазался. О, а на первом этаже более креативная запись. «Пусть умрёт в тяжёлом роке бычья группа “Модерн Токинг”». Наверное, малолетние любители хеви-метал писали. Хотя бы без матюков, и то хорошо.

Разглядывая творчество народных масс, не намного опередивших обезьян в процессе эволюции, подхожу к выходу на улицу.

Толстая деревянная дверь со скрипом распаивается, выпуская меня во двор. Вдыхаю полной грудью бодрящий весенний воздух. Середина мая 1986 года. Деревья начинают зеленеть, солнце тёплое и ласковое, легкий ветерок дарит ощущение свежести и прохлады. Наслаждаюсь каждым мгновением своей новой жизни. Во дворе полно народу. Подростки отжимаются на брусках, подтягиваются на турниках. Пацанва с хохотом гоняет мяч. Малышня бежит на детской площадке, с визгом съезжает с горки, копается в песочнице, деловито строя пасочками дома и замки.

За ними наблюдает стайка молодых мамаш и старушек, рассевшихся на скамейках площадки и у подъездов.

– Здорово, Елизар.

Поворачиваюсь на голос. Ко мне подходит невысокий худой паренёк с хитрыми глазами. Коричневые брюки, клетчатая рубашка, кепочка по блатной моде, надвинутая на глаза.

– Здорово, – отвечаю я.

Обмениваюсь с парнем рукопожатием. Рука у него оказывается неожиданно крепкой.

– А базарили, ты коньки отбросил. Мотыль, ботали, тебе перо в грудак засадил, и когда скорая приехала, ты уже отходил. Зуб давали. – Парень с интересом рассматривает мою грудь.

– Врали, – спокойно отвечаю я. – Видишь, стою же перед тобой. Рано похоронили.

– Ага, – соглашается он, – получается, Серый и Кацо балаболами оказались.

– Выходит так.

И тут мой взгляд зацепился за выходящую из арки девушку и прилип к ней. Незнакомка была чудо как хороша. Распущенные волосы белоснежной волной рассыпались по плечам, аккуратный вздёрнутый носик, пухлые алые губки, большие синие глаза, в которых можно утонуть, светящаяся чистая кожа. Личико с тонкими чертами лица, длинные изящные ножки, тоненькая талия, которую можно визуальнo обхватить ладонями, и высокая, вызывающе торчащая под футболкой грудь. Девушка была одета в потёртые синие джинсы Levi's, на ножках красовались лёгкие небесно-голубые мокасины, а на футболке разноцветными буквами светился лозунг хиппи «Make love, not war!». Девчонка была похожа на самую красивую блондинку советского кино Ирэн Азер, как родная сестра.

Девчонка заметила мой взгляд, насмешливо фыркнула и повернулась ко мне.

– Чего смотришь, Мишка? Денег на водку хочешь попросить? Извини, алкашам не подаю.

Глава 4

– А с чего ты взяла, что я алкаш? – Насмешливо смотрю на девушку.

– Да по тебе видно, – дерзко отвечает блондинка. – И вообще...

Красотка пренебрежительно машет рукой и отворачивается. Похоже, она здесь кого-то ждет.

– То есть ты оцениваешь человека по внешним признакам? – ухмыляюсь я.

Она хмыкает и вздергивает носик, даже не соизволив развернуться.

– А знаешь, что можно сказать о тебе, используя твои же критерии?

Девчонка попадает на приманку и поворачивает ко мне смазливую мордашку.

– Что? Давай, расскажи, послушаю. – В голосе блондинки явственно слышится ирония.

– По внешним признакам можно сказать, что ты гомосексуалка, грязная чушка, любительница заниматься сексом с кем попало и употреблять тяжёлые наркотики. Чтобы ты правильно поняла, это не оскорбление, а мнение, основанное на твоей манере одеваться.

– Что ты несешь? – злится девушка. – Это ещё почему?

Мой гоповатый «друг» в клетчатой рубашке ухмыляется и с интересом смотрит на меня, ожидая ответа.

– Объясняю популярно и наглядно, как умственно отсталым. Ты носишь синие джинсы «Левис». Так? – спокойно уточняю у красотки.

– Ну да, – настороженно подтверждает девчонка. – И что?

Подколку про умственно отсталых она пропускает мимо ушей.

– А то, что это культовые брюки для гомиков. То есть таких мужиков, которые предпочитают ухаживать не за женщинами, а за женоподобными манерными мужчинками. И, естественно, трахать их, пардон за мой французский, в разработанные задницы. Да будет тебе известно, девочка, джинсы «Левис» приобрели широкую известность благодаря иллюстрациям известного пи..., извини, гея Джорджа Квейнтаса в культовом французском журнале гомосексуалистов «Гей Френч Лайф». А поскольку лягушатники усиленно навязывали всему миру своё видение стиля в одежде как единственно правильное, а Париж провозгласили Меккой моды, джинсы «Левис» обрели большую популярность сначала у голубых любителей волосатых задниц, а потом у быдла, слепо подхватившего стиль пи... геев. Нормальная девушка или мужчина такой зашквар не наденет.

Идём дальше. У тебя на футболке написано «Make love, not war!». Это лозунг хиппарей, призывающих заниматься любовью, а не войной. Такие футболки обычно носят представители этого движения, ставшего субкультурой и образом жизни определённой части молодёжи, начиная с шестидесятых годов. Значит, ты тоже к ним принадлежишь или, по крайней мере, разделяешь их ценности. Так?

– Допустим, – настороженно отвечает блондиночка. – Продолжай.

– А кто такие хиппи? Это вонючки, не мывшиеся месяцами, ходившие с засаленными волосами. Они пропагандировали свободную любовь. То есть трахали всё, что шевелится, такое же вонючее, потное и грязное. Часто даже массовые оргии устраивали, похожие на совокупления свиней в сарае с навозом. Для этого и жили коммунами. А чтобы достичь просветления, ударно употребляли тяжёлые наркотики в огромных количествах. Из-за этого десятки тысяч хиппи в различных уголках земного шара просто сдохли в собственной моче и испражнениях.

Подведем итог: внешние признаки, по которым ты любишь судить о человеке, указывают на то, что ты чушка, относишься к поклонникам нетрадиционной любви, обожаешь трахаться с кем попало. Ещё и наркоманка в придачу.

– Ты, ты... – Девчонка задыхается от ярости, в глазах сверкает ненависть. – Скотина!

Развеселившийся саяка показывает мне большой палец, с трудом сдерживаясь от хохота.

– Что, Ева, уели тебя? Думала, самая крутая? – гогочет он. – А сама даже не знаешь, что носишь.

– Идиот! – шипит на него блондинка и разворачивается ко мне: – Ты думаешь, что я поверила твоему бреду? Нафантазировал себе чёрт знает что и мне рассказываешь фигню какую-то.

– А ты спроси у знающих людей, – улыбаюсь я, – или прогуляйся к нашим хиппи. Они собираются на Пушкин, Арбате, встречаются на Гоголевском бульваре или во Фрунзенском садике на Знаменке. Там тебе быстро всё расскажут о свободной любви, коммунах, предложат наркотики и прочие радости жизни. А продвинутые манерные мужчинки, изображающие богему, должны знать о Квейнтасе и джинсах «Левис». Правда, я не в курсе, как и где их найти. Просто потому, что не интересуюсь подобным.

– Не интересуешься? А откуда тогда знаешь? – язвительно выплевывает слова Ева.

– Оттуда. Прессу надо читать, новости культуры, повышать свой кругозор. А вообще твой вопрос – это глупая попытка вести дискуссию в духе «сам такой». На уровне детского сада. – Ехидная улыбка расцветает на моем лице. – Ты ещё песочком в меня кинь или ножкой топни.

– Дурак. – Блондинка надувается и резко отворачивается.

– Слушай, умная, так что там насчет любви? – продолжаю куражиться я. – Твое предложение, написанное на футболке, в силе? Здесь одно из двух. Или ты дремучая, как средневековая крестьянка, не знаешь английский и не умеешь пользоваться словарём, чтобы разобраться, какая хрень написана на твоей футболке. Или, наоборот, ненавязчиво предлагаешь мужчинам заняться с тобой любовью. Какой вариант верный?

Довольный гопник, не стеснясь, ржёт, хлопая себя по коленям.

– Миша, не корчи из себя интеллигента, образование на твоих синих пальцах написано, – насмешливо отвечает блондинка, – ты всегда был алкашом и хулиганом. А сейчас интеллектуала из себя строишь.

– Вот видишь, ты опять по внешности судишь, – улыбнулся я. – А может, я исправиться решил и взяться за ум? А под личиной, как ты говоришь, алкаша и хулигана, скрывается трепетная душа, жаждущая романтических отношений и чистой страстной любви? Вот ты, как настоящая хиппи, могла бы помочь мне в этом. Только помойся как следует, я, конечно, всё понимаю, отрицание традиционных ценностей и всё такое, но грязненько не люблю. Могу даже тебе кусок хозяйственного мыла выделить для этого. Знаешь, как им пользоваться?

Девчонка хватая ртом воздух, не зная, что ответить, и только сверлит меня бешеными глазами. Я иронично смотрю на неё. Во двор заезжает сиреневая «шестёрка».

– Андрей приехал, сейчас он тебе всё разъяснит популярно, что почём. – На лице блондинки появляется злорадная улыбка.

– Знаешь, даже не удивлюсь, – усмехаюсь я, – неандертальцы тоже, чуть что, хватались за дубины и камни. Отстаивать свою точку зрения словами было для них слишком сложно.

Из остановившейся «шестёрки» выпрыгивает высокий широкоплечий брюнет в светлой рубашке и модных брюках цвета «кофе с молоком», оснащённых накладными карманами сбоку и под коленями. С заднего сиденья вылезает русоволосый лохматый культурист. Ноги-колонны с массивными ляжками натягивают серые штаны, бычья грудная клетка чуть не разрывает черную футболку, широкие плечи и огромные шары бицепсов играют на мощных ручищах.

«Мутант какой-то», – делаю вывод, внимательно рассматривая жертву стероидов.

Парочка не торопясь подходит к нам.

– Ева, они к тебе пристают? – покровительственно спрашивает брюнет, обнимая девушку за талию.

Она чуть отстраняется, заставляя его убрать руку, и задумчиво глядит на меня.

Мои губы кривятся в презрительной усмешке. Сейчас блондинка с удовольствием даст команду «фас» своему воздыхателю.

Девушка смотрит на меня, хочет что-то сказать, но передумывает.

– Нет, всё нормально, идём отсюда. – Блондинка тянет парня от нас.

– Ева, подожди, – брюнет кидает на меня короткий взгляд и отстраняется. – Что-то мне не нравится, как этот алкаш на нас смотрит. Борзый очень. Ты чего, плесень, zenки вылупил, на пузырь не хватает, вот и бесишься?

«Да что же вы такие однообразные: водка, пузырь, алкаш? Фантазии на другое не хватает?» – мелькает досадливая мысль.

Спокойно рассматриваю Андрея. Отмечаю перебитую переносицу, сбитые костяшки на руках, шрамик от рассечения на лбу.

«Боксёр. 100 процентов».

Молчание брюнет воспринимает как слабость.

– Чего заткнулся, уголовник херов? Ссыкотно? – Парень с превосходством смотрит на меня. Качок рядом надменно ухмыляется.

По уму надо было промолчать. Но в душе поднимается мутная волна раздражения.

– Ага, – киваю Андрею, и он расплывается в победной улыбке. – Очень тебя боюсь. Люди всегда опасались бешеных животных. А ты такой высокий, сильный и умный, наверное. Был, пока по голове бить не начали. Но не переживай, мозг в твоём случае особенно не нужен. Важно, что у тебя основная функция осталась. Кушаешь хорошо, пищу тщательно пережевываешь? Вот и прекрасно. Это самое главное.

По мере моего спича торжествующая улыбка на лице Андрея угасает, а глаза загораются бешенством.

– Я тебя сейчас урою, сявка подзаборная! – Брюнет сжимает кулаки и делает шаг ко мне.

Гопник в коричневых штанах напрягается, но его оттесняет в сторону качок, заявивший:

– Пусть один на один разберутся. По-мужски.

– Андрей, не надо. – Девушка хватается парня за локоть, но он резко вырывает руку.

– Всё, тебе кранты, – злобно шипит брюнет.

Начало его движения я позорно проморгал. Сделал попытку достать его правым крюком, но Андрей ловко поднырнул под удар и на выходе, коротким движением всадил кулак в печень.

Тело скручивает сильнейший спазм. Сознание корёжит от страшной, заполнившей каждую клеточку боли. Не чувствую под собой ног, сворачиваюсь в клубок и мягко падаю на бок, держась ладонью за «взорванную» ударом печень.

– Мудак, он недавно ножевое получил, только из больницы вышел! – запоздало орёт мелкий гопник. Голос приятеля доносится как сквозь толстый слой ваты.

А брюнет пинает меня ногой по лицу, разбивая губы. Не сильно, чтобы унижить окончательно.

Краем глаза вижу, что боксёра оттягивают от меня.

– Андрей, зачем? – кричит Ева. – А если он умрёт, идиота ты кусок!

– А не хрен было в бутылку лезть, – оскаливается парень. – Выпросил – получил.

– Дурак ты, кулаками только машешь налево и направо. Совсем мозги отбили, правильно Миша заметил, – выпаливает блондинка.

– Что ты сказала? – Парень угрожающе оскаливается и делает шаг к девушке. Она с презрением смотрит на него:

– Что, и меня ударишь? Давай!

– Он... никого... не... ударит... сейчас... встану... и.... про... продолжим, – хриплю я, пытаюсь подняться. Новый приступ боли заставляет ноги подогнуться, а тело лечь на скамейку.

– Да пошла ты! – взрывается брюнет, демонстративно сплёвывает и уходит к машине.

За ним послушным хвостиком потянулся культурист. Парни прыгают в автомобиль, «шестёрка» жужжит, трясётся, стреляет клубом дыма и выезжает со двора, чуть не наехав на ногу гопника, вышедшего на тротуар.

Мой быдловатый товарищ тихо матерится, глядя на багажник удаляющейся «шестёрки». Я тоже провожаю затуманенным взглядом машину.

«Ничего. Долг платежом красен. С меня причитается. Я не злопамятный. Зло сделаю и забуду».

А меня тем временем приводят в чувство. Девушка помогает сесть на скамейку и, наклонившись, обеспокоенно смотрит в глаза.

– Миша, ты в порядке?

– Нормально, – выдыхаю я, с трудом разжимая стиснутые зубы. Печень, получившая удар, ещё даёт о себе знать приступами боли. Но они становятся всё слабее.

– Извини, кстати, я немного перешел границы, – прошу девчонку. – Ты из-за меня поссоришься с этим пи... нехорошим человеком, я этого не хотел, честно.

– Всё нормально. Андрей, если по правде, меня уже достал, – отмахивается она. – Правда, ты меня тоже взбесил сейчас. Но я была не права. Первая начала. Так что забудь. Тебя домой отвести?

– Не надо, – мужественно отказываюсь от помощи. – Сам дойду. Я уже в порядке.

Вытираю кровь с губ. Девушка внимательно наблюдает за мной.

– Платок дать?

– Не надо.

– Мишка, давай этого шакала подкараулим и на перо посадим, – предлагает подошедший гопник.

– Господи, какие вы все идиоты, – закатывает глаза Ева. – Успокоиться не можете. То эти в драку полезли, теперь ты, Санька, отомстить хочешь. Может, пора повзрослеть уже?

– Нет. Мы никого трогать не будем, – кряхтя, встаю со скамейки.

Саня недоуменно смотрит на меня.

– Пока, по крайней мере.

Губы парня чуть раздвигаются в понимающей улыбке.

Девушка иронично хмыкает.

– Ладно, леди энд джентльмены, я домой. До встречи.

В коммуналке меня встретило оханье встревоженной матушки. Родительница увидела разбитую губу и сразу начала причитать: – Ох, кто же это тебя так? Дружки твои? Сволочи какие, я на них управу найду.

Выглянувшая из-за своей двери бабка наострила уши. В её выпцветших глазках я заметил удовлетворение. Молодая полноватая женщина с большой грудью, лет двадцати пяти – тридцати, выглянула из кухни. Посмотрела на меня, скорчила сочувственную моську и убралась обратно.

«Ещё один обитатель нашего коммунального зоопарка», – сделал вывод я, провожая взглядом объемный, обтянутый халатиком зад.

Попросил матушку принести поесть ко мне в комнату. Сидеть в общей кухне с посторонними людьми мне не хотелось. Родительница кивнула, предложила на выбор макароны или картошку с сосисками. Я выбрал картошку, и она быстро умчалась на кухню.

Пока матушка гремела там посудой, решил покопаться в комнате в поисках денег. Начал с ящиков письменного стола. Там нашлась горсть монет. Три по 5, две по 10, и по одной 20- и 50-копеечной монете, а также смятая жёлтая рублёвая купюра.

Потом я вспомнил, что многие люди держат свои капиталы между страниц книг, и начал перетряхивать всю библиотеку. Внимание привлек одинокий томик Александра Дюма «Три мушкетёра», смотревшийся на полочке чужеродно. И возникло предчувствие, что я там что-то обнаружу. Так и произошло. Когда я тряс книгу над полом, придерживая её за обложку, на ковер спланировали розовая десятка и синяя пятёрка.

«Да, не густо», – вздохнул я, с иронией рассматривая привалившее «богатство». После моей прежней жизни, когда на протяжении последних пятнадцати лет привык тратить деньги, не считая, эта жалкая кучка монеток и трёх купюр выглядела дико. Даже мысли начали приходить, что это кошмарный сон, который скоро закончится, я проснусь, открою глаза и окажусь в своём загородном доме с Витей и Машей.

Затем вздохнул, добавил к кучке выданную трёшку и спрятал деньги в верхний ящик стола. И вовремя.

В комнату торжественно всплыла матушка с кухонным полотенцем на плече, неся в руках тарелку, на которой возвышался жёлтый холмик картофельного пюре, в середине плескалось, растекаясь ручейками, золотистое озеро расплавленного сливочного масла, а сбоку лежали две аппетитные розовые сосиски и парочка свежих ломтиков батона.

Энергично заурчал желудок в предвкушении трапезы, и я понял, насколько сильно проголодался.

Мама аккуратно поставила тарелку на стол, а когда я плюхнулся на стул, выдала мне ложку и вилку.

Я энергично начал уничтожать еду, а родительница ушла заваривать чай. Через несколько минут она пришла с источающей пар чашкой. В ней плавала черная масса заварки, а сам напиток показался мне каким-то подозрительным. Мать окинула довольным взглядом пустую тарелку и поставила передо мною чай. С опасением глянув на мутную коричневую жидкость вместо прозрачно-янтарной, к которой привык уже лет двадцать, осторожно отхлебнул напиток. И чуть не выплюнул его обратно.

«Господи, какая гадость», – подумал, брезгливо морщась. Нет, я ничего против грузинского чая не имею, и помню, что в СССР его пил регулярно. Но после многолетнего употребления цейлонского чая «Лакшери FFEXSP 500» советские сорта воспринимались, мягко говоря, как-то не очень.

– Что, что такое? – всполошилась мама, увидев мою скривившуюся физиономию. – Тебе плохо?

– Мне хорошо, – мрачно ответил я, отодвигая чашку с чаем. – Спасибо, но я пока пить чай не буду.

– Почему?

– Не хочется.

Матушка молча забрала пустую тарелку с приборами, чашку с чаем и удалилась. А я плюхнулся на кровать. И задумался. Необходимо было определиться с планом на ближайшую жизнь.

«Итак, как можно заработать деньги в позднем СССР? Поехать работать на Север? Торчать там несколько месяцев, получить пару-тройку штук и отморозить себе задницу. Так себе вариант. Если что, используем на крайний случай. Заняться реставрацией старых фотографий в деревнях? Раньше это хорошие бабки приносило. К сожалению, в 1986 году не прокатит. Стать фарцовщиком? Очень стрёмно. Они все под крышей госбезопасности работают, стучат на иностранцев и коллег. А кто не стучит, тот сидит. И не на стуле. А в бараках, огороженных от остального мира колючей проволокой. Да и к таким гостиницам, как “Интурист” меня и близко не подпустят. Там даже проститутки и швейцары – сержанты и лейтенанты КГБ. Значит? Остается один вариант: надо встраиваться в систему торговли и общепита. Там хорошие деньги крутятся. Пусть даже с самого низа начать. А потом разобраться, что к чему.

И с этим нужно поторопиться, времени очень мало. В ноябре этого года с подачи Горбачёва Верховным Советом будет принят закон “Об индивидуальной трудовой деятельности”. Введут его в действие с мая 1987-го. До этого времени мне нужен хороший стартовый капитал.

О, есть ещё один интересный способ. Одесса. Там идёт поток контрабанды, начиная от сигарет и заканчивая джинсами, магнитофонами и другими импортными вещами. А также, как

рассказывал знакомый коммерсант, в «жемчужине у моря» имеются крупные подпольные цеха, штампующие поддельные джинсы и другие импортные шмотки. Если установить контакты в Одессе с контрабандистами и цеховиками, можно получать навар с продажи 400–700 %, толкая шмотки в других городах.

Но делать надо всё по-хитрому. Не светиться самому, а реализовывать товар через выстроенную сеть. И тогда можно скопить первоначальный капитал для дальнейших действий. Правда, я сейчас и понятия не имею, как буду выстраивать сеть реализаторов. Хотя кое-какие задумки есть. Например, через продавщиц, руководителей комиссионных и других магазинов. Но для начала надо повариться в этой среде, понять внутреннюю кухню, завоевать какой-то авторитет, начать зарабатывать и потом реализовывать свой план.

И ещё важный момент: нужно привести себя в боевую форму. Впереди смутное время, бандитский беспредел, а значит, к нему нужно быть готовым. Понятно, что в перспективе надо верных бойцов вокруг себя собирать, но и самому необходимо в нормальную форму прийти, мало ли что. Решено, как только деньги появятся, обязательно в секцию бокса пойду. И качалку подходящую найду, они сейчас секциями атлетической гимнастики называются, пусть там особо ничего нет, но мне штанги и гирь с гантелями для начала хватит. По этому плану и буду действовать».

Глава 5

Вечером я решил прогуляться. Предварительно забежал на кухню. Там уже визуально знакомая толстушка наливала борщ из большой кастрюли. За столом сидел худой мужчина в застиранной и потёртой серой рубашке с глазами затраханного кролика. Увидев меня, он нервно дёрнулся и сделал движение рукой, как будто закрывается от затрешины. Я доброжелательно улыбнулся мужичку. Мою сияющую физиономию он не оценил, побледнел, съёжился и чуть не стёк бесформенной массой по стулу на обшарпанный линолеум пола. Пухлышка, колыхая тяжёлым бюстом, поставила перед ним тарелку с борщом и торжественно вручила ложку. Мужчинка посмотрел на меня, судорожно сглотнул, затем опустил глаза на поставленную тарелку и усиленно заработал ложкой.

«Блин, да что же с ним такое-то?» – удивился я.

Именно в это время мужичок на секунду оторвался от трапезы и искоса стрельнул в меня глазами.

Я улыбнулся ему ещё приветливее, всем своим видом выражая дружелюбие.

Мужик поперхнулся, выплюнул борщ в тарелку, промычал что-то вроде «не надо, Миша, прошу тебя», вскочил, пошатываясь на заплетающихся ногах, обогнул меня по широкой дуге и рванул с низкого старта из кухни.

Я проводил спринтера озадаченным взглядом и повернулся к толстушке. А она изображала томную кустодиевскую девушку, опершись ручками на подоконник в ореоле солнечного света, чуть откинувшись назад так, что ворот халатика разъехался, обнажая налитые тугой плотью шары груди, готовые выпрыгнуть наружу, и выставив из-под полы халатика пухлую розовую ножку.

Мадама игриво стрельнула в меня взглядом, лукаво изогнув бровку.

– Ты чего Витьку моего совсем зашугал и из кухни выгнал, безобразник? Мне теперь его успокаивать придётся, – нежно проворковала она.

– Я выгнал? – ошарашенно переспросил молодку.

– Ты, ты, – подтвердила женщина, прожигая страстным взглядом.

Она медленно облизала язычком губки и шагнула ко мне. Огромный бюст заманчиво колыхнулся. Почему-то мне сразу захотелось убежать вслед за Витькой. Но усилием воли я героически сдержался. Мадам оказалась совсем рядом, грубо нарушая моё личное пространство. За это в прогрессивном Евросоюзе можно было срубить с неё штраф. Но здесь не ЕС 2000-х годов, а дремучий СССР 80-х, поэтому пришлось промолчать.

– Приходи ко мне завтра утром, слышишь? – томно прошептала медведица, обдавая меня непередаваемым ароматом чеснока и лука. – Я Витю на работу отправлю и вся твоя буду.

– Обязательно, – нашёл силы выдавить я. Быстро дернулся за стаканом воды, но был пойман пухлой лапой и безжалостно притянут к огромным сисям.

– А поцеловать? – Нимфа сделала губы трубочкой и прикрыла глаза.

Я торопливо чмокнул её в толстую щёчку, вырвался из объятий и убежал, чувствуя спяной изумлённый и обиженный взгляд. Воды попить так и не удалось.

Минут через двадцать я выглянул из своей комнаты, зорко осматривая пространство. Убедившись, что могучей сисястой девушки поблизости не наблюдается, быстро прошмыгнул в коридор, надел кеды и выбежал наружу, не забыв аккуратно прикрыть клацнувшую замком дверь.

На улице было хорошо. Вечернее солнце устало клонилось к горизонту, иногда пуская весёлые лучики из-под серых туч. На скамеечке возле подъезда сидела стайка оживлённо беседующих бабушек. При моем появлении старушки замолкли.

– Здорово, божии одуванчики. Как жизнь пожилая? – улыбаюсь местным сплетницам.

Бабули нахохлились, недовольно поглядывая на меня.

– Сам ты одуванчик, Мишка, – угрюмо буркнула мордастая седая тётка с нездоровым серым лицом. – Иди уже куда шел.

– Ходють они, одуванчиками обзываются, фулюганы поганые, нехристи окаянные. Сталина на вас нет, шпана подзаборная, – истерично заблажила самая древняя бабушка с безумными глазами.

Слушать, что она ещё скажет, я не стал. Послал воздушный поцелуй задохнувшейся от возмущения старушке и пошел на спортивную площадку.

Решил протестировать свой организм. Не торопясь подошёл к турнику, примериваясь к перекладине.

– Миха, Елизар, – окликнул знакомый голос.

Обернулся. У соседнего подъезда сидел Саня с мрачноватым сутулым типом. Гопник призывно махнул рукой с зажатой в ладони бутылкой «Жигулёвского».

Пришлось подходить. Поздоровался с Сашей, пожал вялую ладошку сутулого.

– Ты как, нормально? – поинтересовался старый «новый» друг.

– Вполне, – подтвердил я.

– Хочешь? – предложил пиво товарищ.

– Нет, спасибо. Нельзя пока, – вежливо отказался я.

– А, больница, – понимающе кивнул Александр.

– Ага. Теперь вообще пить не буду. Кстати, мне доктор об этом напитке много рассказывал. Ты когда-нибудь о синдроме «пивного сердца» слышал?

– Не, – гопник заинтересованно посмотрел на меня, – расскажи.

– Если кратко, то в результате неумеренного употребления пива полости сердца расширяются, стенки утолщаются, в сердечной мышце возникают некрозы, появляются воспаления в желудке и пищеводе.

А ещё пиво содержит ряд токсинов, например, соли тяжёлых металлов, провоцирующих негативные изменения в эндокринной системе. У мужчин, если жрать этот напиток постоянно, вырабатывается вещество, потреблять подавляющее тестостерон. Это мужской половой гормон. Одновременно вырабатываются женские половые гормоны. Начинает расширяться таз и вырастают грудные железы. Так что, если будешь пить пиво литрами несколько лет, придётся покупать лифчик.

А у баб, кстати, наоборот. У них голос грубеет и начинают расти усы. Это происходит потому, что в пиве содержатся растительные вещества – эстрогены, подавляющие естественный гормональный фон. Поэтому если ты, например, будешь жить с телочкой и постоянно жрать с нею пиво, то через несколько лет станешь сисястым и попастым мужчинкой с женской фигурой, а твоя девушка обзаведётся пышными усами и будет говорить басом. И после этого, представь, идёте вы по улице, ты такой манерный, попой виляешь, грудями трясеешь, и твоя вторая половинка с кокетливыми усиками и грубым мужским голосом. Внимание окружающих вам гарантировано.

– Тьфу, гадость! – Сашка с отвращением выплёвывает пиво и ставит бутылку на асфальт. – Вот зачем ты мне это рассказал? Хорошо же сидели.

– Мишка, а ты не гонишь? – Сутулый прищурился, сверля подозрительным взглядом.

– Нисколько. Найди грамотного врача, разбирающегося в теме. Он подтвердит мои слова.

– Какой-то ты, Елизар, странный стал. Базаришь, как ботаник. – Сутулый не сводит с меня глаз.

– Я просто в больнице много книг читал, – скромно признаюсь я.

– Ты и книги? – фыркает сутулый. – Не ездь по ушам без тормозов. Ты и водка, в это я поверю.

– Дуба, перестань, – обрывает его Саня. – Нормальный он. Ну пролежал человек почти три недели в больничке, делать там не фиг, стал книжки читать. Что тут такого, понять не могу.

– Правильно, – назидательно поднимаю палец вверх. – Устами Сашки глаголит святая истина. Санёк, отойдем на пару минут. Перетереть надо.

– Хорошо, – соглашается гопник и поднимается со скамейки. – Пошли.

Под взглядом сутулого, ставшим ещё подозрительнее, удаляемся от скамейки на добрый десяток метров.

– Санёк, есть один деликатный вопрос.

– Говори.

– Что произошло со мною и Мотылём? Чего он перо в меня всадил? Я ни фи́га не помню. Пьяный в драбадан был. Доктор говорил, что пришлось даже от общего наркоза отказаться. Но я всё равно в отключке валялся.

– Что, совсем ничего не помнишь?

– Нет.

– Да там рассказывать нечего. Житейская ситуация. Бухали вы вместе на хате у Зинки – подруги Верки. Тебе не понравилось, как Мотыль на Верку смотрел. Она ему тоже глазки строила. Ты и предъявил Мотылю. Он тебе ответил. Слово за слово, ты ему по роже дал. А он за нож, которым колбасу резали, схватился. Ну и засандалил тебе перо в грудак. Думали, всё, конец, не жилец. Мотыль сразу протрезвел, чуть не обделался со страху, когда понял, что натворил, и свалил с хаты. Верка – тоже. А Зинка хоть и в шоке была, скорую и ментов вызвала. Потом показания дала. А что ей оставалось делать? Мотыль сейчас в СИЗО парится.

– Зинка рассказала?

– Она, конечно. Ну и Верка добавила.

– Понятно.

Задумчиво смотрю на плывущие серые облака, сквозь которые проглядывает заходящее солнце. Надо будет к этой Зинке зайти, поблагодарить. Всё-таки этой жизнью я ей обязан. И правильно я сделал, что послал Верку в пешее эротическое путешествие. Спровоцировала разборку, бросила подышать, а потом в больницу с водкой припёрлась, лярва. И никакого раскаяния и уколов совести. От таких шалав надо держаться подальше.

– Чего замолк? – спросил Саша.

– Да так, неважно.

– О Верке подумал? – проницательно спросил гопник. – Плюнь и разотри, не стоит она того.

– Уже, – улыбнулся я. – Слушай Сань, тут такое дело. Я завязать решил. Надоело всё это. Пьянки, отсидки, поножовщина. Я ведь уже, считай, за гранью побывал. О многом подумал. И доктор предупредил, ресурс здоровья не безграничен.

– И что делать будешь? На заводе за сотку-две пахать? – скривился гопник.

– Это другая крайность. Любая работа нормальна, здесь ничего плохого нет. И не кривись так. Просто это не моё. Перспектив особых нет. Кем я там могу стать? Мастером максимум. Ну, поднимут немного зарплату, объявят передовиком производства, дадут какие-то льготы, если задницу буду рвать. Нет у меня такого желания. Я знаю, что способен на большее.

– На большее – это на что? – уточняет Саня, с интересом разглядывая меня как какое-то диковинное животное.

– Деньги буду зарабатывать.

– И как ты это думаешь делать? – ухмыляется гопник.

– Сначала хочу устроиться куда-то в сферу торговли. Жить-то как-то надо. Поработаю немного, осмотрюсь, а там видно будет.

– Слушай, не гони, а? Вон Ваня Питерский хату у одного барыги подломил полгода назад. Лавэ и рыжё оттуда чемоданами выгреб. Бабло разбрасывал налево и направо. Всех коньяком поил. Кафешку снял, чтобы братве проставиться. Вот это я понимаю, денег поднял.

– Молодец какой, – притворно восхищаюсь я. – Мог бы сразу без этих экспериментов заяву на себя написать. Такой же результат бы получился. Но согласен, набухаться и подогреть баблом братву лучше. По крайней мере, будет что вспомнить. И чем всё это закончилось?

– Мусора взяли, – мрачнеет Саша. – Даже не понятно, за это или за что-то другое. На нём много чего висело всякого разного. Прямо в том кафе повязали. А потом в СИЗО на пресс-хату определили. Там его «шерстяные» грохнули.

– Ну вот, – вздыхаю, – ты сам на свой вопрос ответил, как надо деньги зарабатывать. Подержал Питерский деньги на руках, попонтровался немного и умер, забитый «шерстью» в пресс-хате. И оно мне надо? Поэтому, как там говорил Владимир Ильич, который Ленин? «Мы пойдём другим путём».

– С чего ты хочешь начать? – гопник насмешливо смотрит на меня.

– С самого простого. Устроюсь в какой-то магазин грузчиком или экспедитором. Денег чуток подзаработаю. А там посмотрим. Вот, кстати, об этом спросить хочу. У тебя никого из знакомых нет, чтобы помогли с работой?

– Ну ты даешь, Миха, – изумляется Сашка, – после больнички совсем чердак у тебя потёк. Уже простых вещей не помнишь. Зинка, на хате у которой тебя порезали, продащицей в нашем универмаге работает. Ты это должен отлично знать. Можно с нею поговорить, может, посоветует чего.

– Замечательно, давай завтра к ней сходим, я её за спасение поблагодарю, а потом о деле потрешим, – предложил я корешу, благоразумно пропустив мимо ушей «ты это должен знать».

– Так сходи, – пожимает плечами гопник. – Я тебе зачем?

«Придётся навешать очередную порцию лапши на чужие уши. Но сначала прикинуть, где взять кастрюлю и продукт. О, идея».

– Не хотел говорить, – вздыхаю я, – но, видимо, придётся. У меня посттравматическая амнезия после ранения. Вот и не помню адрес Зинки. Подскажи, будь другом.

О том, что она обычно появляется после серьёзных повреждений головы, как минимум ЧМТ, скромно умолчал.

– Пост... чего? – переспросил приятель.

– Забыл многое от перенесённого удара ножом. Такое бывает.

– Не, Елизар, у тебя точно чердак потёк. – Саня крутит пальцем у виска. – Ни хрена не помнишь, словечки какие-то мудрёные употребляешь. Да в соседнем подъезде она живёт. В сто шестидесятой квартире на третьем этаже.

– Отлично. Тогда завтра к ней и загляну вечером. Когда она с работы приходит?

– Завтра вроде свободна. Она же по полторы смены отпахивает с 9:00 до 21:00, а потом день отдыхает. Ты же сам это знать должен. Вы же у неё тогда и на хате зависли.

– Тогда утром или днём заскочу. Спасибо.

– Спасибо, – бормочет гопник. – Чудной ты какой-то, Миха, стал, я в шоке просто.

– Ладно, пойдём, а то на нас Дуба твой уже недовольно косится. Скучает в одиночестве.

– Мой?! – поражается Санька. – Да он такой же мой, как и твой! Нет, с тобой точно что-то неладно. Кстати, – в глазах гопника зажигаются лукавые огоньки. – Ты совсем ничего не помнишь? И как я у тебя четвертак брал взаймы на бухло тоже?

– Не ври, – шутя тычу кулаком в Сашкин бок. – Наколоть вздумал? Хотя нет, было такое. Только сначала я тебе полтинник одолжил, а ты мне этот четвертак в счёт долга отдал и ещё 25 рубчиков торчишь. Гони, давай.

Кореш весело ржёт, покачиваясь от переполняющих эмоций.

Сутулый уже идет к нам.

– Ну сколько можно трепаться? Задолбали. У меня уже задница даже вспотела, – раздражённо ворчит он.

– Так что ты предлагаешь, мыло тебе купить или скамейку полотенцем протереть и одеколоном продезинфицировать? – спрашиваю я.

Сутулый надувается.

– Не злись, пошутил я, – примирительно хлопаю Дубу по плечу.

Посидел минут пятнадцать с дворовыми корешами. Разговор не клеился. Они что-то там рассказывали о пьянках, драках, гулянках. Сутулый спросил меня о ментах, как снимали показания, что им сказал. Ответил ему как есть. Первый раз мента послал, а потом, когда пошёл на поправку, не получилось. Said, ничего не помню, пьяный был и ничем помочь не могу. Пришлось старлею Самойлову утереться и принять мои показания.

Потом парни ушли по делам, а я в одиночестве погулял по улицам, наслаждаясь тёплой весенней погодой, тишиной и зелёными скверами. В той, современной Москве, куда я периодически приезжал по делам, их почти не осталось. Город напоминал каменный муравейник, где на всех уровнях сустились, копошились и бежали по своим делам миллионы людей. Все куда-то торопились, жрали на ходу, толкались, пихались в метро и маршрутках, читали и играли на своих смартфонах и других гаджетах, не поднимая глаза друг на друга. Хорошо, что я всё это наблюдал из окна взятого напрокат вместе с водителем «Роллс-Ройса» или «мерседеса АМГ» последней комплектации. Но пару раз вместе с охранниками ради интереса прокатился на метро и в маршрутке. Захотел приколнуться и ощутить себя обычным гражданином. Хоть меня надёжно ограждали от посторонних, впечатления остались незабываемые.

А теперь Москва тёплая и ламповая, без раздражающих рекламных огней и с красивыми зелёными сквериками. Никуда не нужно торопиться и бежать, можно отдохнуть на скамеечке, посидеть в парке.

Хотя и у современной Москвы много достоинств. Отличные рестораны, развитая инфраструктура услуг. Но это всё для богатых людей, а не простых смертных. А хочется, чтобы обычный человек на свою зарплату мог себе многое позволить. Как в Америке. Это нужно и нам, коммерсантам. Если большинство населения платёжеспособно и с нормальным уровнем дохода (хотя бы средневропейским девяностых – нулевых годов), то и внутренний рынок поднимется. Будет больше продаваться бытовых товаров, покупаться услуг.

А если свести коррупцию к минимуму и сделать привлекательные условия для инвестиций, можно привлечь западные капиталы. Конечно не во все сферы. Многие промышленные проекты у нас просто не пойдут. Прежде всего (из-за высокой себестоимости производства. В жарких странах): Индонезии, Вьетнаме и других, товары можно изготавливать за копейки, выплачивая местным туземцам мизерные деньги, не тратясь на отопление, хорошо влияющее на конечную цену. А ещё есть вопросы логистики. Они для СССР с последующим кооперативным движением и ставшей его наследницей РФ тоже очень актуальны. В Союзе с его административной плановой экономикой, ориентированной на внутренний рынок, и валютой, не привязанной к доллару, это было не так важно. При капитализме каждый километр, каждая погрузка-разгрузка, не говоря уже о хранении, это дополнительные деньги, идущие в себестоимость товара.

Но на данный момент научный и промышленный потенциал у нас есть. И важно не дать его просрать, если получится. Я ведь тоже не Господь бог и пока даже не знаю, сумею ли повернуть реку истории в нужное русло. Тем более мало времени осталось. По меркам истории – совсем чуть-чуть.

Занятый своими мыслями, пришёл домой, поужинал яичницей с колбасой, поблагодарил маму за трапезу, отмахнулся от чего-то виновато мычавшего отчима и после гигиенических процедур отправился в свою комнату.

Вырубился я моментально, как только голова коснулась подушки. Как будто в чёрный омут нырнул и растворился в кромешной мгле.

* * *

Пробуждение было внезапным. Сначала клацнул замок, тихонько скрипнула открываемая дверь. Кто-то шагнул вовнутрь, заставив меня открыть мутные от сна глаза.

– Ай-яй-яй, обещал прийти утром, когда Витька уйдет на работу, и не пришёл, обманул бедную девушку. А я тебя так ждала, – раздался знакомый голосок.

Ужас затопил сознание холодным душем, заставляя проснуться.

«А-а-а-а-а-а»!!!

Я подскочил на кровати и уставился безумными глазами на пухленькую мадаму, обиженно надувшую губки.

Короткий халатик, распираемый двумя внушительными округлостями, немного разошёлся, демонстрируя ложбину между соблазнительными розовыми мячиками, наполненными мягкой, тугой плотью. Распущенные волосы, рассыпались русой волной по округлым мощным плечам, кроваво-красная помада, как у вампиров, внушала ужас.

– Что смотришь? – продолжала кокетничать пухлышка. – Забыл свою девочку? А она о тебе помнит.

– Э-э-э... – ошарашенно проблеял я, ещё толком не придя в себя. – А как ты сюда вошла?

– Ты же сам мне ключ дал. – Бурёнка шаловливо стрельнула глазками, облизав меня плотоядным взглядом. – Не помнишь, что ли?

– Не помню, – честно признался я. – После больницы сам не свой.

– Ничего, – снова заворковала пухлышка. – Сейчас я тебя вылечу.

Она резко сбросила с себя халатик, эротично изогнувшись. Под ним не оказалось ничего. Совсем ничего, даже трусиков. Фигура у девушки оказалась вполне соблазнительной, несмотря на полноту. Широкие бедра, вздёрнутый массивный задик, даже некоторое подобие талии наметилось. Просто в одежде она казалась плотнее из-за ширококостного сложения.

– Хочешь меня? – спросила шалунья, взявшись ладонями за груди и сведя их вместе.

Я заворуженно, как кролик на удава, смотрел на огромные шары, украшенные коричнево-розовыми ареолами сосков. Лежавшее на ногах одеяло немного поднялось, выдавая меня с головой.

– Хочешь, – удовлетворённо улыбнулась мадама и со скоростью ядра, выпущенного из пушки, рванула вперёд.

Глава 6

Я лежал на спине, бездумно уставившись в потолок. Рядом на бочку примостилась довольная полненькая нимфа. Её пухлая ручка нежно гладила мою грудь. Меня одолевали смешанные чувства. Как говорило армянское радио, это когда тёща летит в пропасть в твоём новеньком «мерседесе АМГ». Мне никогда не нравились пухлые дамы с объёмными формами. Всегда предпочитал стройных девчонок с модельными данными. И моя Маша, когда я с ней познакомился, тоже была такой: эффектной блондинкой с длинными ногами, тонкой талией и аппетитным бюстом второго размера.

Но эта страстная фемина, набросившись на меня, как кот на валерианку, и устроив дикие скачки в разных позах, невольно завела, и ещё как. Мы занимались любовью так страстно, что на нас упал ковёр со стены и чуть не посыпалась штукатурка. И поэтому ощущения у меня двойственные. Я наконец дорвался до женского тела и снял напряжение. Но при этом чувствую себя, как будто меня жёстко поимели.

И мурлыкающая рядом толстушка, царапающая грудь коготками, с одной стороны, возбуждает, а с другой, вызывает опасение. Такой только дай волю, затрахает так, что импотентом можно стать.

– Ой, мне ещё суп надо варить, – спохватилась мадам. – Витька сегодня на обед может забежать. Работает же рядом. Пойду я, пожалуй.

Нимфа звонко чмокает меня в щёчку, страстно шепчет «ты был великолепен», вскакивает, быстро облачается в халатик и покидает комнату.

После неё поднимаюсь я. В нашем холодильнике обнаруживаю связку розовых сосисок в целлофановой плёнке и десяток яиц. На скорую руку делаю себе яичницу, завтракаю, быстро одеваюсь, сгребая всю имеющуюся наличность и выхожу на улицу.

Улица встречает меня солнечной погодой, небольшим игривым ветерком и традиционной кучкой оживившихся при виде меня бабушек.

– Здорово, принцессы. Чего так смотрите, влюбились? – с невинным видом спрашиваю у престарелых дам.

Бабушки возбуждаются и взрываются потоком возмущенного чириканья.

– Ах ты, охальник, морда развратная!

– Иди отсюда, рожа бесстыжая, ишь чего удумал, влюбились в него, кобеля облезлого!

– Принцессами обзывается, сволочь! Сталина на вас нет, паразиты! Нехристи окаянные!

– Ишь, в брючки вырядился, футболку срамную нацепил с коричневой страхолюдиной!

– Петровна, да це ж мишка олимпийский. Ты чего, совсем в маразм ударилась, старая?

– Вот я и говорю, страхолюдина мохнатая! Морда больше тела, лапы от хомяка присобачили, пузо втянул, а жопа-то огромная и выпяченная, как у Надьки с пятого подъезда. Рахит какой-то.

– Сама ты рахит, Петровна. А мишку нашего не замай!

– Я вас тоже люблю, дамы, – приветливо машу рукой разговорившимся старушкам.

Бабули продолжают бурчать, но я их уже не слушаю. Выхожу на улицу, останавливаю пожилую женщину в блузке и длинной юбке.

– Подскажите, как пройти или проехать к рынку? Мне цветы нужно купить.

– Ехать никуда не нужно, тут недалеко. Идёте прямо до перекрестка, потом сворачиваете налево, ещё буквально сто метров проходите, там рынок и будет. А цветы продают в небольших павильончиках у входа, – приветливо отвечает женщина.

– Спасибо, – вежливо благодарю даму и продолжаю путь по указанному маршруту.

Прохожусь по павильонам, носатые торговцы в больших блинах-кепках зазывают к себе.

– Э-э-э, дарагой, сюда иди, у меня лучшие розы, бутончики тугие. Когда расцветут, такая красота будет. Твоя девушка довольна будет, любить тебя горячо станет, да.

– Слушай, тюльпаны надо? Только что привезли. Свежие, как утренняя роса.

– Мои цветы лучшие, мамой клянусь. Нигде таких не найдешь, да. Проходи, дарагой, выбирай, что захочешь, хорошую скидочку дам.

Захожу в один из павильонов. Торговец – небольшой восточный мужчина с усами – начинает суетиться возле меня.

– Кому цветы купить хочешь? Маме, любимой, коллеге, родственнице? Для любой женщины букет подберём. Вот тут гвоздики есть, розы, тюльпаны, всё, что твоей душе угодно.

– Моей душе угодны розы. Нужен букет из трёх штук. Сколько?

– Э-э-э, пять рублей, – быстро нашелся торговец.

– Два, или я к твоему соседу сейчас пойду.

– Э-э-э, без ножа режешь, – стонет продавец. – Ладно, только для тебя, три рубля. Меньше не могу, правда.

– По рукам. – Передаю ему деньги. Выбираю три тёмно-бордовые розы. Торговец суетится, заворачивая их в прозрачную упаковку и перевязывая алой ленточкой. Тугие бутоны только начали распускаться, на лепестках прозрачными жемчужинами сверкают капельки воды. От цветов идёт еле уловимый нежный аромат.

Прощаюсь с торговцем, предлагающим «захадыть ещё», и отправляюсь в обратный путь.

Через двадцать минут я уже стою перед дверью, обитой чёрным дерматином и с ромбической железной табличкой «160», прикрученной сверху. Руку с цветами предусмотрительно прячу за спиной. Вдавливаю палец в кнопку звонка. Пронзительное верещание напоминает приглушённый вой сирены.

Глазок темнеет. Меня несколько секунд рассматривают, потом дверь открывается. Передо мною стоит невысокая коренастая девушка. Симпатичная, с длинными тёмно-русыми волосами, но не в моем вкусе.

– Привет, – вежливо здороваюсь с девушкой.

Зина смотрит на меня, и у неё на лице расцветает искренняя улыбка.

– Привет, Мишка, тебя уже из больницы выписали? Здорово, я так рада, что ты вылез.

– Я тоже рад, – сообщаю девчонке.

Моя рука выныривает из-за спины с букетом бордовых роз и протягивает ей цветы.

– Ой, это мне? – Девушка краснеет.

– Тебе, конечно. Спасибо огромное, что не бросила, вызвала врачей. Ты мне жизнь спасла.

– Да перестань, – смущённо бормочет Зина. – Не могла же я тебя бросить в таком состоянии. Это как-то не по-человечески.

«Правильно. А ещё тебе бы пришлось отвечать за мою смерть. Прежде всего, за неоказание помощи. Хотя плевать. Главное, что медиков вызвала и жизнь спасла. По крайней мере до того момента, пока я в тело этого оболтуса не вселился. Остальное неважно».

Зина осторожно берёт букет, вдыхает аромат роз и мечтательно прикрывает глаза.

– Они так чудесно пахнут. Спасибо.

– Не за что. Тебе спасибо.

– Да, а чего мы тут на пороге стоим? Разувайся и проходи на кухню. Я сейчас чай поставлю, – спохватывается хозяйка.

Кухня у продавщицы оказалась симпатичной. Небольшой, но светлой и уютной. На стенах – белая плитка с узорами из синеньких колокольчиков. Небольшой квадратный столик с клеёчатой скатертью, бежевый линолеум, стилизованный под древесину, маленькая газовая печка в углу комнаты. Напротив у окна – компактный пузатенький холодильник «Днепр».

– Присаживайся, я сейчас, – засуетилась хозяйка, отложив цветы и ставя на конфорку беленький чайник.

Опускаю задницу на табуретку рядом со входом.

Хозяйка наполняет водой небольшую вазочку на подоконнике, вставляет в неё розы.

Затем на столе появляются тарелочки с печеньем и сушками, пузатый миниатюрный чайничек с заваркой, сахарница и пустые чашки на блюдцах.

Хозяйка пристраивается на табуретке напротив меня, подперев подбородок ладошкой.

– Как там в больнице, все нормально прошло? – спрашивает она.

– Вытянули. Практически с того света, спасибо тебе и нашим докторам, – честно отвечаю я.

«Особенно Мастеру. За новую жизнь».

– И как ты сейчас себя чувствуешь?

– Нормально, – отвечаю я. – Конечно, не так, как прежде, но в целом неплохо.

Минут пятнадцать мы болтаем о разных пустяках. А потом я решаю перейти к делу.

– Зин, разговор есть.

– Говори.

В её глазах на секунду мелькнуло разочарование.

– Я на работу решил устроиться. В твоём магазине место есть экспедитора там или грузчика?

– Ты поэтому ко мне пришёл? – Голос девушки похолодел на несколько градусов.

– Не совсем. Я в любом случае обязательно зашел бы тебя поблагодарить. Как бы там ни было, ты мне всё-таки жизнь спасла. А это не забывается. Но понимаешь, после того, что пережил, решил изменить свою жизнь. Вот хочу на работу устроиться. Вчера с Санькой разговаривал, он мне посоветовал к тебе обратиться. Ты же продавщицей в универмаге работаешь, а там могут грузчики требоваться или ещё кто-то. И сейчас совмещаю приятное с полезным. Пришел сказать спасибо симпатичной девушке и заодно узнать о работе.

– Понятно, – вздохнула Зина. – А почему на завод устроиться не хочешь?

– Не вижу там особых перспектив. Грузчиком в магазине мне проще и удобнее.

– Сейчас я тебе сказать ничего не могу, – задумалась девушка. – Может не получится.

– Из-за судимости? – интересуюсь я.

– Да причем здесь это? – отмахнулась продавщица. – Наоборот, таких и берут. У нас большинство грузчиков судимые. С ними проще. Работают они нормально и лишнего не болтают. Только одна проблема – пьют много. И судимые, и несудимые. Вот на этом и можно сыграть. Петрович в последнее время не просыхает. Совсем ополоумел хрен старый. Бухой валяется, а нам приходится самим ящики ворочать. Но в любом случае это не я буду решать, а директор или его зам.

– Так спроси, Зин, а я в долгу не останусь.

– Сегодня я отдыхаю. А завтра на работе и поговорю. Знаешь, что? Приходи ко мне послезавтра, в это же время, может, уже будет что-то известно.

– Договорились, приду обязательно.

Мы ещё минут двадцать поболтали, а потом я засобирался. Сегодня ещё надо в боксёрскую секцию забежать. Когда с Дубой и Санькой сидели, парни сказали, что буквально через пару кварталов ДЮСШ есть с секцией бокса, и объяснили, как туда добраться.

Забежал домой, в своих вещах нашёл кожаную сине-бело-красную сумку с символом Кремля и олимпийскими кольцами под ним и надписью сбоку «Olympiad-80», запихнул туда голубые треники, майку и полотенце. И быстро сбежал на тренировку, послав извиняющуюся улыбку пухлышке, снова терроризирующей меня томными взглядами. По дороге заскочил в аптеку и купил парочку запечатанных в полиэтилен рулончиков широких эластичных бинтов. Других там не было. А спортивных для бокса я в 70–80-х годах в свободной продаже не видел.

Зал бокса в ДЮСШ был погружен в полумрак, пах мужским потом и выглядел брутально благодаря разбитым грушам, обмотанным разлохмаченной синей изоляцией и прозрачным «свемовским» скотчем.

В отдалении квадратный дядя обрабатывал грушу сериями ударов, накидывая троечки-четверочки прямых и боковых. После каждой подачи по залу разносилось гулкое эхо ударов.

«Хорош, – оценил я его технику, – кмс как минимум и с убойным ударом».

На ринге боксировали парни в синей и красной майках. «Красный», худой и высокий, работал на отходе, стопорил противника джебами и изредка добавлял прямой или боковой правой. «Синий», ниже соперника на полголовы, качал корпус и рвался в ближний бой с короткими крюками и апперкотами, изредка кидая левую при входе в атаку.

Недалеко от меня двое подростков работали в паре, имитируя спарринг. За ними с секундомером в руке наблюдали пожилой полный мужчина лет пятидесяти и молодой спортивный парень в синей футболке.

Пожилой увидел меня. Окинул взглядом с ног до головы, задержавшись на пальцах с синими вытатуированными перстнями, нахмурился и решительно направился в мою сторону.

– Чего тебе надо? – сурово спросил он.

– Боксом заняться хочу, – простодушно ответил я.

– Староват ты для бокса уже. – Из глаз тренера буквально сочилась ирония.

– Так я же не собираюсь чемпионом становиться. И вообще, боксом уже занимался когда-то давно. Хочу всё вспомнить и в форму войти.

– Зачем? – Взгляд пожилого стал подозрительным. – Для чего тебе это нужно?

– Для самого себя.

– Извини, – разводит руками пожилой. – Я мог бы тебе сказать, что мест нет, группы уже набраны, но не люблю врать. Уголовников не тренирую. Мне проблемы не нужны.

– Василий Петрович, – к нам подошёл парнишка в синей футболке. – Товарищ надоедает? Может, его вежливо на выход проводить? Только скажите.

– Вова, перестань. – Тренер недовольно посмотрел на неожиданного помощника. – Парень сам уйдет. Не нужно обострять обстановку.

– Василий Петрович, я уйду без проблем. Но вы поступаете некрасиво. Да, у меня неоднозначное прошлое. И посидеть пришлось в тюрьме и на зоне, я этого не скрываю. Молодой был, дурной. Сейчас я захотел новую жизнь начать, нормальную. Пить бросил, на работу устраиваюсь, с прошлым завязал. Хотел снова боксом заняться, как уже говорил, для себя, а вы меня с порога посылаете. Зря вы так. Нельзя всю жизнь судить человека за пару ошибок. Я за это уже сполна расплатился.

Разворачиваюсь и иду ко входу.

– Постой, парень, подожди, – окликнул тренер. – С прошлым точно покончено? Никакой уголовщины?

– Точно. Никакой, – подтверждаю я, развернувшись.

– Форма, бинты, перчатки есть? – интересуется Василий Петрович.

– Форма и бинты имеются, а перчаток пока нет. Но я в ближайшее время куплю, – обещаю я.

– Иди в раздевалку, она сразу напротив входа в зал. Посмотрим, что ты умеешь. Перчатки я тебе на первое время найду.

В раздевалке уже находится парочка подростков. Они с любопытством разглядывают меня. Я с невозмутимым лицом, не обращая внимания на соседей, переодеваюсь.

Выхожу в зал. Тренер уже ждёт меня с парой старых потрескавшихся кожаных перчаток, висящих на плече. Под мышками – две здоровые лапы.

– Держи. Пока в них поработаешь, – мне вручаются перчатки, – чтобы было удобно, можешь перебинтоваться на скамейке или у ринга. Разомнись немного, потом подходи. Поработаем, поглядим, что покажешь.

– Хорошо, спасибо. – Я отхожу к рингу. Кладу перчатки на настил за канатами, находящийся на уровне пояса, рву полиэтилен на рулончиках, быстро бинтую руки. Прыгаю, машу руками, делаю наклоны, пока тренер держит на лапах одного из подростков.

Надеваю перчатки, дожидаясь, пока Василий Петрович отпустит парня, и подхожу к нему.

– Я готов.

– Отлично. – Тренер резко вздергивает лапу вверх. – Бьешь левым прямым.

– Хорошо.

Поднимаю кулаки, прыгаю на носочках. Резкий выпад прямым левой. Бум. Лапа отходит в сторону от удара. Василий Петрович смещается и опять вскидывает руку. Бум. Пробиваю в цель и тут неожиданно получаю второй лапой по лицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.